

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Дело «Читаев и Читаев против России»

(Жалоба №59334/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

18 января 2007 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ

18 апреля 2007 г.

В деле «Читаев и Читаев против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

К.Л. Розакиса, *Председателя Палаты Суда,*

Л. Лоукайдеса,

Ф. Талкиенс,

Н. Вайич,

А. Ковлера,

Е. Стайнер,

Х. Хаджиева, *судей*

с участием С. Нильсена, *секретаря Секции Суда,*
заседая 12 декабря 2006 г. за закрытыми дверями,
вынес в тот же день следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№59334/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданами Российской Федерации Арби Салаудиевичем Читаевым и Адамом Салаудаевичем Читаевым (далее - заявители) 19 июля 2000 г.

2. Интересы заявителей, которым по решению Суда компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представляли в Суде адвокаты «Правовой инициативы по России» (SRJI) организации с головным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее – Правительство) были представлены в Суде Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А.Лаптевым.

3. Заявители жаловались, в частности, на незаконный арест и содержание под стражей, а также на пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение со стороны российских властей, и на отсутствие эффективного расследования этих событий. Они также жаловались на незаконные обыски их частного дома, незаконное изъятие их имущества и отсутствие эффективных средств правовой защиты от таких нарушений. Они ссылались на Статьи 3, 5, 8 и 13 Конвенции и на Статью 1 Протокола № 1 Конвенции.

4. 29 августа 2004 г. Председатель Первой секции принял решение в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Решением от 30 июня 2005 г. Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои письменные замечания (пункт 1 Правила 59 Регламента). Так как после консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу делу (пункт Правила 59 Регламента Суда), стороны дали письменные ответы за замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители – родные братья 1964 и 1967 г. рождения соответственно. Представляется, что в настоящее время первый заявитель живет в Германии, а второй заявитель живет в России, в Иркутской области.

A. Введение

8. Факты по делу, особенно касающиеся периода содержания заявителей под стражей, частично являются предметом спора между сторонами.

9. Факты, как они представлены заявителями, изложены ниже в Разделе В (пункты 10 – 62). Замечания Правительства о фактах в кратком виде изложены ниже в Разделе С (пункты 63 – 76). Представленные сторонами документальные доказательства в кратком виде изложены ниже в Разделе D (пункты 77 – 95).

В. Изложение фактов заявителями

1. Предварительная информация

10. До описываемых ниже событий первый заявитель, инженер по профессии, жил с женой и двумя детьми в селе Старая Сунжа - пригороде Грозного. Вторым заявитель, школьный учитель по профессии, ранее жил в Казахстане, а в 1999 г. переехал с женой и двумя детьми в Чечню.

11. В начале октября 1999 г. в Чечне начались военные действия между российскими войсками и чеченскими боевиками. Город Грозный и его пригороды стали мишенью широкомасштабных атак российских федеральных войск. В октябре 2000 г. одно из домоуправлений в Грозном выдало справку о разрушении квартиры первого заявителя в результате военных действий.

12. Опасаясь боевых столкновений, заявители перебрались с семьями и имуществом в дом своих родителей (далее – дом семьи Читаевых) по адресу ул. Матросова, 28 в г. Ачхой-Мартан. По данным, представленным заявителями, в перечне имущества, хранившегося в доме, был магнитофон первого заявителя, аудиосистема, видеокамера, а также телевизор и видеомагнитофон второго заявителя. В доме хранилась также другая бытовая электроника и одежда. Документы и чеки на технику хранились отдельно в чемодане. Большая часть имущества хранилась в одной из комнат и в подвале.

2. События в январе и апреле 2000 г.

13. 15 января 2000 г. сотрудники Временного отдела внутренних дел Ачхой-Мартановского района (Ачхой-Мартановского ВОВД) провели обыск дома по адресу ул. Матросова, 28 на предмет хранения огнестрельного оружия. По данным, представленным заявителями, не было ордера на обыск и не велся протокол обыска. Сотрудники милиции забрали с собой новый, в упаковке, беспроводной телефон с батарейками и антенной.

14. 18 января 2000 г. второй заявитель пожаловался начальнику Ачхой-Мартановского ВОВД на незаконный обыск и попросил вернуть телефон. По-видимому, в начале марта 2000 г., после обращения отца заявителей в районную военную прокуратуру, телефон вернули.

15. 12 апреля 2000 г. около 8 или 9 часов утра несколько сотрудников Ачхой-Мартановского ВОВД вновь пришли в дом 28 по улице Матросова. Заявители

вместе со своими семьями находились дома. Офицеры обыскали дом, не предъявив никакого ордера или официальных оснований для проведения обыска. Они забрали с собой несколько предметов из принадлежащего заявителям электронного оборудования, документы на технику и личные документы некоторых членов семьи. После этого они попросили заявителей поехать с ними в Ачхой-Мартановский ВОВД на несколько часов, чтобы помочь им разобраться с бумагами.

16. Заявители указывают, что как только они сели в машину, сотрудники милиции сказали им, что они арестованы, и стали их избивать. Заявителей привезли в Ачхой-Мартановский ВОВД и поместили в разные камеры.

17. В тот же день, приблизительно в 12 часов дня, дом заявителей подвергся еще одному обыску. Около 30 военнослужащих прибыли на двух автомашинах к их дому и забрали с собой все электронное оборудование, найденное в доме, включая принтер, телевизоры и видеооборудование. Никаких официальных оснований для проведения обыска и изъятия оборудования представлено не было. Заявители предоставили перечень предметов, изъятых из их дома (см. ниже пункт 77).

3. Содержание заявителей в Ачхой-Мартановском ВОВД

18. В период с 12 по 28 апреля 2000 г. заявители содержались под стражей в Ачхой-Мартановском ВОВД. Во время содержания под стражей их допрашивали о действиях чеченских боевиков и похищениях людей с целью получения выкупа, но они отрицали свое участие в каких-либо противоправных действиях.

(а) Жестокое обращение с заявителями

19. Во время содержания под стражей и допросов, проводившихся в камере, расположенной на третьем этаже здания Ачхой-Мартановского ВОВД, заявителей подвергали различным формам пыток и жестокого обращения. В частности, их приковывали наручниками к стулу и избивали; прикасались электрошоковым устройством к различным частям тела, включая кончики пальцев и уши; заставляли в течение долгого времени стоять позы «растяжки», широко разведя в стороны ноги и руки; им выкручивали руки; их избивали резиновыми дубинками и пластиковыми бутылками с водой; их душили при помощи липкой ленты, целлофановых мешков и противогазов; на них натравливали собак; им вырывали плоскогубцами куски кожи.

20. Первого заявителя допросили в первый день задержания и приказали подписать признание. Когда он отказался, допрашивающие приковали его наручниками к стулу и стали избивать ногами. Они надели ему на голову противогаз и стали закачивать внутрь противогаза сигаретный дым. Первый заявитель потерял сознание, и его вернули в камеру. На следующий день его привели на допрос в то же помещение. Допрашивающие подсоединили к его пальцам рук электрические провода и, поворачивая ручку устройства, которое называли «детектором лжи», наносили заявителю удары электрическим током.

21. Второго заявителя также допросили в первый день задержания. Его привели в помещение, где двое сотрудников велели ему подписать признание, что он боевик и участвовал в похищениях людей. Когда второй заявитель отказался подписать признание, его поставили к стене, надели на него наручники и залепили ему рот клейкой лентой. Один из допрашивающих стал наносить ему удары по спине и половым органам, а другой держал его под прицелом автомата и угрожал застрелить, если он пошевелится. Второго заявителя избивали в течение часа, а потом отвели обратно в камеру.

22. Несколько раз в течение всего времени содержания заявителей под стражей в камеры, где они содержались, заходили сотрудники Ачхой-Мартановского ВОВД и избивали всех заключенных, в том числе заявителей.

(b) Условия содержания

23. В камерах не было туалетов, и задержанных выводили в туалет по одному. Их заставляли передвигаться к туалету бегом, а в случае промедления били прикладами автоматов и травили собаками. В туалете им не давали достаточно времени. Иногда им вообще не разрешали пойти в туалет, и они были вынуждены мочиться и испражняться в коридоре на глазах у охранников.

24. В камерах не было отопления и стояла сырость, заявители постоянно страдали от холода.

4. Задержание заявителей в СИЗО Чернокозово

25. Заявители указывают, что 28 апреля 2000 г. их и еще нескольких задержанных вывели здания Ачхой-Мартановского ВОВД, завязали им глаза и посадили в машину. Охранники, сказали, что везут их на казнь. Вместо этого задержанных, в том числе заявителей, перевели в другую тюрьму – позднее они узнали, что это был следственный изолятор в с. Чернокозово (СИЗО Чернокозово). Заключенных, в том числе заявителей, заставили выйти из машины и лечь плашмя на землю, после чего избили. Затем их развели по камерам.

26. При поступлении в СИЗО Чернокозово не было проведено медицинское освидетельствование задержанных, как этого требует соответствующее законодательство.

(a) Жестокое обращение с заявителями

27. В начале задержания в СИЗО Чернокозово заявителей допрашивали через день, а затем – примерно раз в неделю. По пути в комнату для допросов их заставляли бежать, пригнувшись и заложив руки за голову, а охранники при этом били их по спине. В комнате для допросов находился железный стол и стул, в стену был вбит крюк. Допрашивающие, которые во время допроса не вели никаких протоколов, заставляли заявителей подписать признание или просто избивали их. Допрашивающие наносили заявителям удары по разным частям тела, особенно по коленным чашечкам, сапогами, прикладом и деревянным молотком; приставив нож к пальцам, угрожали их отрезать; надев им на руки брезентовые рукавицы, подвешивали на крюк и избивали; расплющивали пальцы на руках и ногах деревянным молотком и дверью сейфа; связывали руки и ноги за спиной (поза «ласточки»); перекрывали доступ воздуха при помощи клейкой ленты и целлофановых пакетов; ударяли электротоком по пальцам.

28. Кроме того, охранники избивали заявителей в то время, когда их на несколько минут выводили из камер на "прогулку".

29. Во время задержания заявителей в СИЗО Чернокозово им только один раз разрешили увидеться с адвокатом Шарипом Тепсаевым – это произошло в мае 2000 г.. Заявителям позволили увидеться с адвокатом по одному в присутствии милиционера. Во время свидания с адвокатом они должны были говорить только по-русски, а адвокат мог задавать им вопросы только о том, как у них дела.

(b) Условия содержания

30. Во время задержания в СИЗО Чернокозово заявители находились в разных камерах, за исключением нескольких дней в конце июля 2000 г., которые они провели в одной камере.

31. Второй заявитель провел полтора месяца в камере № 5 и еще полтора месяца в камере № 20. Все остальное время своего содержания в СИЗО второй

заявитель провел в камере № 27. В этой камере, рассчитанной на трех человек, содержались не менее шести людей. Второй заявитель вынужден был спать на полу на выданном ему матрасе.

32. Заявители указывают, что условия их содержания улучшились в июне 2000 г. после замены бригады охранников и после посещения СИЗО Чернокозово представителями Международного Комитета Красного Креста (МККК) 14 июня 2000 г. Второму заявителю удалось побеседовать с представителями МККК лично в условиях конфиденциальности, поскольку он говорит по-английски.

33. Представители МККК еще дважды посетили СИЗО Чернокозово в августе 2000 г. Благодаря их визитам, заявителям удалось обменяться весточками со своими семьями. В январе 2001 г. представительство МККК в Нальчике, Кабардино-Балкария, выдало заявителям справки, подтверждающие то, что их посетили представители МККК в СИЗО Чернокозово 14 июня, 11 и 23 августа 2000 г..

5. Освобождение заявителей

34. 19 сентября 2000 г. заявителей доставили обратно в Ачхой-Мартановский ВОВД и официально предъявили обвинения по статьям 126 (2) и 208 (2) УК РФ (похищение человека и участие в деятельности незаконных вооруженных формирований). По словам заявителей, их впервые официально уведомили о предъявленных им обвинениях.

35. 5 октября 2000 заявители были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде.

36. 6 октября 2000 г. родственники заявителей привезли их в больницу Ачхой-Мартана. Их осмотрели терапевт, невропатолог и хирург. Первому заявителю был поставлен следующий диагноз: повторные черепно-мозговые травмы, приведшие к повышению внутричерепного давления и посттравматическому синдрому, хронический бронхит, хронический двусторонний пиелонефрит, астеноневротический синдром, гипохромная анемия, многочисленные ушибленные раны головы, тела и конечностей, хроническое воспаление левого легкого. Второму заявителю был поставлен следующий диагноз: повторные черепно-мозговые травмы, приведшие к повышению внутричерепного давления и посттравматическому синдрому, многочисленные ушибленные раны головы, тела и конечностей, травма левой коленной чашечки, хроническое воспаление левого легкого и хронический левосторонний пиелонефрит. При осмотре врачи сделали запись о том, что указанные травмы и заболевания были, по всей видимости, получены заявителями во время содержания в СИЗО Чернокозово в апреле-октябре 2000 г..

37. В письмах от 9 октября 2000 г. прокуратурой Ачхой-Мартановского района заявители были уведомлены о прекращении производства по уголовному делу № 59212, возбужденному в отношении них по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 126 (2) и 208 (2) УК РФ, 9 октября 2000 г. в связи с недоказанностью вины подозреваемых. В письмах говорилось, что заявители освобождаются от подписки о невыезде и что решение о прекращении уголовного дела от 9 октября 2000 г. может быть обжаловано в вышестоящую прокуратуру или в суд в течение 5 дней.

6. Обращения заявителей в государственные органы

38. Начиная с 12 апреля 2000 г., родственники заявителей неоднократно обращались лично и в письмах в различные государственные органы по поводу обысков и изъятия их имущества, а также по поводу ареста заявителей 12 апреля 2000 г. и последующего содержания их под стражей. После своего освобождения заявители вместе с родственниками продолжали предпринимать такие действия. В

этом им оказывали поддержку правозащитные неправительственные организации. Их усилия почти не дали результатов. Несколько раз родственники заявителей получали копии писем от различных органов власти о том, что их жалобы переданы в районную прокуратуру, в Ачхой-Мартановский ВОВД или в прокуратуру Чеченской Республики (далее – «республиканская прокуратура»).

39. Вечером 12 апреля 2000 г. родственники заявителей пришли в Ачхой-Мартановский ВОВД, чтобы выяснить местонахождение заявителей. Им было сказано, что братьев Читаевых попросили помочь разобраться с бумагами, и что они скоро вернуться домой. В тот день заявители домой не вернулись.

40. 14 апреля 2000 г. отец заявителей отправился в Ачхой-Мартановский ВОВ, чтобы выяснить местонахождение своих сыновей. Сотрудники ВОВД сообщили ему, что братьев задержали по подозрению в похищениях российских солдат с целью получения выкупа. Подозрение якобы было основано на том, что в доме нашли солдатские шинели. На это отец заявителей ответил, что это военное обмундирование старого советского образца, которое было привезено его сыновьями со службы в рядах Советской Армии и теперь использовалось для бытовых нужд.

41. 22 апреля 2000 г. Правозащитный центр «Мемориал» от имени семьи Читаевых обратился к Специальному представителю Президента Российской Федерации по соблюдению прав и свобод человека в Чеченской Республике с просьбой разъяснить причины ареста заявителей 12 апреля 2000 г. и с жалобой на незаконные обыски, изъятие имущества и аресты.

42. Письмом от 18 мая 2000 г. был получен ответ МВД на запрос депутата Государственной Думы от имени заявителей. В ответе указывалось, что уголовное дело в отношении заявителей было возбуждено прокуратурой Ачхой-Мартановского района по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 126 (2) и ст. 208 (2) УК РФ. Далее в письме говорилось, что 21 апреля 2000 г. материалы уголовного дела были направлены в Главное управление Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе для приобщения к другим делам, связанным с военными действиями в Чечне, и было предложено для получения дальнейшей информации обращаться в эту прокуратуру.

43. 20 мая 2000 г. братья заявителей получили уведомление из республиканской прокуратуры о том, что следствие по уголовному делу в отношении заявителей ведет Главное управление Генеральной Прокуратуры на Северном Кавказе, куда им и следует обращаться по всем вопросам.

44. 22 мая 2000 г. отец заявителей направил жалобу об изъятии имущества начальнику Ачхой-Мартановского ВОВД. В ответ на жалобу было получено письмо без указания даты, в котором говорилось, что имущество, якобы изъятое из дома Читаевых, не зарегистрировано как находящееся на хранении в Ачхой-Мартановском ВОВД. Далее в письме говорилось, что прокуратурой Ачхой-Мартановского района заведено уголовное дело в отношении заявителей, однако не была указана дата возбуждения уголовного дела. Также в письме говорилось, что в рамках заведенного уголовного дела был проведен "осмотр места происшествия" в доме Читаевых в соответствии с действующим законодательством. Далее сообщалось, что в материалах уголовного дела в отношении заявителей хранится рапорт о результатах «осмотра» с описью предметов, изъятых в ходе «осмотра» из дома Читаевых. Письмо завершалось словами, что изъятые имущество должно храниться вместе с материалами уголовного дела, а отцу заявителей было рекомендовано по всем вопросам уголовного производства в отношении заявителей обращаться в республиканскую прокуратуру.

45. 4 июля 2000 г. брат заявителей обратился к Специальному представителю Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод в Чеченской Республике с жалобой на незаконность задержания заявителей, а также обысков в доме Читаевых и изъятия принадлежащего им имущества.

46. 26 июля 2000 г. заместитель начальника Ачхой-Мартановского ВОВД уведомил отца заявителей о том, что заявители были задержаны 17 апреля 2000 г. (а не 12 апреля 2000 г.) в соответствии со ст. 122 УПК РФ.

47. 28 июля 2000 г. тот же сотрудник Ачхой-Мартановского ВОВД сообщил отцу заявителей о том, что изъятые из его дома вещи были приобщены к материалам уголовного дела и что решение о выдаче данных вещей может быть принято только следователем по делу или компетентным судом.

48. 1 сентября 2000 г. отец заявителей обратился к республиканскому прокурору с просьбой провести проверку законности проведенных обысков в его доме, изъятия имущества и задержания заявителей 12 апреля 2000 г..

49. 7 сентября 2000 г. из республиканской прокуратуры отцу заявителей был направлен ответ о том, что заявителей задержали по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 126 (2) и ст. 208 (2) УК РФ, а именно, похищение человека и участие в деятельности незаконных вооруженных формирований, а срок их дальнейшего содержания под стражей был продлен до 9 октября 2000 республиканским прокурором, однако дата решения прокурора о продлении срока содержания под стражей не была указана. Отцу заявителей было предложено по всем вопросам о результатах следствия по уголовному делу в отношении заявителей обращаться в районную прокуратуру.

50. 18 октября 2000 г. из республиканской прокуратуры пришло уведомление брату заявителей о том, что по его жалобе на незаконные обыски дома Читаевых и изъятие имущества отделом внутренней безопасности Ачхой-Мартановского ВОВД начата служебная проверка законности изъятия и уничтожения «радиооборудования и передающего устройства и личного имущества» его братьев. Далее в письме говорилось, что заявители были освобождены из-под стражи 4 октября 2000 г. под подписку о невыезде.

51. 1 июня 2001 г. брат заявителей обратился в районную прокуратуру с запросом о судьбе имущества, изъятых из дома их семьи в апреле 2000 г..

52. 5 октября 2001 г. организация SRJI обратилась к республиканскому прокурору с подробным описанием крайне жестокого обращения с заявителями и предполагаемых процессуальных нарушений во время содержания заявителей в Ачхой-Мартановском ВОВД и в СИЗО Чернокозово с 12 апреля по 5 октября 2000 г. В письме приводились ссылки на результаты медицинского осмотра в подтверждение жалоб на жестокое обращение, а также содержалась просьба о возбуждении уголовного дела по жалобам заявителей. Копия письма была направлена в Генеральную прокуратуру, откуда 25 октября 2001 г. пришел ответ о том, что жалоба направлена для рассмотрения в республиканскую прокуратуру.

53. 30 октября 2001 г. брат заявителей в Ачхой-Мартановский ВОВД с просьбой сообщить ему о статусе внутреннего расследования факта изъятия имущества в апреле 2000 г.. 3 января 2000 г. он вновь попросил предоставить ему информацию о ходе расследования жалоб об изъятии имущества, а также об аресте и содержании под стражей его родственников. Ни на один из запросов не был получен ответ.

54. 22 ноября 2001 г. и 24 января 2002 г. SRJI вновь обратилась в республиканскую прокуратуру со ссылкой на свой запрос от 5 октября 2001 г.. 29 января 2002 г. SRJI запросила такую же информацию у районной прокуратуры.

55. В январе 2002 г. все мужчины семьи Читаевых получили повестку о явке в районную прокуратуру 7 января 2002 г. Первый заявитель в это время находился

за пределами Чечни, а второй заявитель, а также отец и брат заявителей явились в прокуратуру. Они были приглашены по одному в кабинет для разговора со следователем прокуратуры.

56. По словам второго заявителя, прокурор Ачхой-Мартановской районной прокуратуры и следователь той же прокуратуры предложили ему написать заявление об отказе от всех претензий к Ачхой-Мартановскому ВОВД относительно законности и условий его содержания под стражей. В случае отказа они угрожали вновь открыть уголовное дело в отношении обоих заявителей. Второму заявителю позволили посоветоваться с родственниками, после чего он решил подписать требуемое заявление.

57. Письмом от 7 января 2002 г. следователь районной прокуратуры ответил SRJI, что после рассмотрения жалобы прокуратура приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В письме не было указано причин такого решения, но SRJI сообщили о возможности его обжалования в вышестоящей прокуратуре или в суде. Копия решения прокуратуры от 7 января 2002 г. к письму приложена не была.

58. 14 марта 2002 г. SRJI обжаловала решение от 7 января 2002 г. в республиканской прокуратуре. Организация приложила к заявлению свою жалобу от 5 октября 2001 г., отметила факт оказания давления на второго заявителя с целью заставить его отозвать жалобу на жестокое обращение и повторила свою просьбу о возбуждении уголовного дела по заявлению о жестокое обращении с заявителями в Ачхой-Мартановском ВОВД и СИЗО Чернокозово.

59. Письмом от 18 марта 2002 г. и.о. прокурора Ачхой-Мартановского района проинформировал SRJI о том, что прокуратурой была проведена проверка с целью установления факта «незаконных методов ведения следствия» в отношении заявителей и принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления в действия сотрудников Ачхой-Мартановского ВОВД. В письме далее говорилось, что второй заявитель был приглашен в прокуратуру, где признал факт своего содержания под стражей в Ачхой-Мартановском ВОВД и СИЗО Чернокозово, однако отрицал применение «незаконных методов ведения следствия» к нему лично, а первый заявитель не мог быть допрошен в связи с тем, что он выехал с территории Чеченской Республики. Далее в письме говорилось о том, что в ходе проверки не было получено объективной информации, подтверждающей заявления о жестокое обращении, и что результаты проверки по факту жалобы уже были направлены в «Правовую инициативу по России» письмом от 7 января 2002 г. с исходящим номером 105.

60. 24 апреля 2002 г. брат заявителей обратился в республиканскую прокуратуру с просьбой сообщить о ходе проверки, начатой по факту жалобы о проведенных обысках в его доме и изъятии имущества. По-видимому, ответа на письмо не последовало.

61. Письмом от 6 мая 2002 г. (ошибочно датированным 6 мая 2001 г.) республиканская прокуратура уведомила SRJI о проведении проверки по факту их обращения с просьбой об отмене решения от 7 января 2002 г. В письме говорилось, что «решение районной прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела по факту жалобы заявителя на незаконное обращение со стороны сотрудников Ачхой-Мартановского ВОВД и СИЗО "Чернокозово" [во время содержания под стражей в период с 12 апреля по 5 октября 2000 г.] признано обоснованным и законным, а жалобы [заявителей] признаны необоснованными».

62. Между тем SRJI обратилась в районную прокуратуру Ачхой-Мартановского района с просьбой о предоставлении копии постановления от 7 января 2002 г. об отказе в возбуждении уголовного дела по факту жалобы

заявителей на незаконное обращение в период их содержания под стражей с 12 апреля по 5 октября 2000 г.. 24 марта 2003 г. был получен ответ от районной прокуратуры о том, что SRJI ранее уже уведомили о результатах проверки и что согласно действовавшему в тот период Уголовно-процессуальному кодексу РФ следователь не обязан предоставлять копию такого постановления лицу, обратившемуся с заявлением о возбуждении уголовного дела. В ответе также говорилось, что второй заявитель уже ознакомлен с указанными документами.

С. Изложение фактов Правительством

63. 15 января 2000 г. сотрудники Ачхой-Мартановского ВОВД проводили проверку паспортов в г. Ачхой-Мартан. В ходе проверки дома, 32 [а не 28] по улице Матросова отец заявителей добровольно сдал радиостанцию ФТ-26 и вспомогательное оборудование к ней, техническую документацию к радиостанции на иностранных языках, военный билет военнослужащего Б., камуфляжный плащ, пуленепробиваемый жилет и 11 государственных номерных знаков для автомашин и тракторов. В тот же день был составлен акт о добровольной сдаче этих предметов, а 4 февраля 2000 г. следователем Ачхой-Мартановского ВОВД было принято решение не возбуждать уголовное дело.

64. На основе сведений, полученных в ходе проверки 15 января 2000 г., был проведен "осмотр" дома заявителей 12 апреля 2000 г. сотрудником Ачхой-Мартановского ВОВД С. Власенко в присутствии понятых. В ходе "осмотра" сотрудник ВОВД Власенко нашел восемь военных шинелей и четыре военных куртки, все с номерами и личными данными военнослужащих, детали от радиопередатчика, пленки с записями интервью Шамиля Басаева, документальный видеофильм под названием «Нохчо Чечня - День Свободы», фотографии эксгумаций, фотографии первого заявителя с оружием, компьютер и дискеты с информацией о прослушивании радио и телефонных переговоров членов правительства Чечни в 1998 г., список номеров мобильных телефонов государственных руководителей Чечни и лидеров незаконных вооруженных формирований, схемы подслушивающих устройств и ряд других материалов, которые, по мнению Правительства, «могли указывать на участие заявителей в деятельности незаконных вооруженных формирований».

65. 17 октября 2000 г. прокуратурой Ачхой-Мартановского района было возбуждено уголовное дело в отношении заявителей по статьям № 126 (2) (похищение человека при отягчающих обстоятельствах), УК РФ на основании результатов проверки, проведенной 15 января 2000 г. и осмотра от 12 апреля 2000 г. Делу был присвоен номер 26009, а затем 59212.

66. В тот же день заявители были задержаны в соответствии со статьей 122 действующего на тот момент УПК РФ и доставлены в Ачхой-Мартановский ВОВД.

67. 18 апреля 2000 г. районная прокуратура отменила постановление от 4 февраля 2000 г. на том основании, что расследование обстоятельств обнаружения названных предметов в ходе проверки 15 января 2000 г. было неполным, в то время как результаты этой проверки были приобщены к материалам уголовного дела в отношении заявителей.

68. 19 апреля 2000 г. районной прокуратурой было принято решение о назначении заявителям меры пресечения в виде заключения под стражу как подозреваемым в похищении людей и участии в деятельности незаконных вооруженных формирований. Это постановление прокуратуры было направлено для исполнения в СИЗО Чернокозово.

69. 20 апреля 2000 г. обоим заявителям были предъявлены обвинения в совершении уголовного преступления по Статье 126 (2) и 208 (2) УК.

70. С 25 апреля 2000 г. адвокат Назрановской (Ингушетия) коллегии адвокатов г-н Тепсаев адвокат был допущен к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по делу в отношении заявителей.

71. По прибытии в СИЗО Чернокозово 26 апреля 2000 г. заявители прошли медицинский осмотр, как это предусмотрено соответствующими нормативно-правовыми актами. Первому заявителю был поставлен диагноз "травма головы" и впоследствии оказана медицинская помощь в связи с этим. Никаких других повреждений у заявителей медицинский осмотр не выявил. Во время содержания под стражей второй заявитель получал лечение по поводу хронического гастрита.

72. 4 октября 2000 г. заявители были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде.

73. 9 октября 2000 г. районная прокуратура прекратила производство по уголовному делу в отношении заявителей в связи с отсутствием достаточных доказательств причастности подозреваемых к вменяемым им преступлениям.

74. 23 ноября 2000 г. постановление от 9 октября 2000 г. было отменено республиканской прокуратурой, и производство по уголовному делу в отношении заявителей возобновилось.

75. 20 января 2001 г. районная прокуратура снова прекратила производство по уголовному делу в отношении заявителей в связи с недоказанностью участия подозреваемых во вменяемых им преступлениях.

76. 29 октября 2003 г. постановление от 20 января 2001 г. было отменено республиканской прокуратурой, а дело было направлено на дополнительное расследование. По всей видимости, на данный момент производство по делу не закончено, и в рамках этого дела в 2005 г. предпринимались следственные действия в отношении второго заявителя.

Д. Документы, предоставленные сторонами

1. Документы, предоставленные заявителями

77. Среди большого числа других документов заявители представили не датированный перечень предметов, изъятых в их доме, подписанный их матерью, двумя понятыми и сотрудником Ачхой-Мартановского ВОВД С. Власенко. В этом документе указаны: телевизор «Сони», телевизор «Панасоник», телевизор «Тошиба», телевизор «Фунай», видеомэгаффон «Фунай», видеомэгаффон «Панасоник», видеомэгаффон «Сони», принтер «Лексмарк», кинопроектор «Русь», блок питания, нагреватель с двумя наборами сменных деталей, видео и аудиопленки, два портфеля с документами и зарядное устройство «Электроник».

78. Они также представили письменные показания очевидцев – их отца, сестры и трех соседей, подтвердивших факт обыска и изъятия имущества Читаевых, а также задержание заявителей 12 апреля 2000 г..

2. Документы, предоставленные Правительством

79. Для оценки обстоятельств, указанных в жалобе заявителей, на стадии решения о приемлемости Суд попросил Правительство представить документы из материалов уголовного дела, открытого в отношении заявителей, материалы проверки по факту жалоб заявителей на жестокое обращение, проверки законности их задержания, а также документы, относящиеся к обыскам в доме семьи Читаевых и изъятию их имущества. Документы, представленные Правительством как до, так и после принятия решения о частичной приемлемости дела, можно кратко представить следующим образом.

(а) Документы, касающиеся обысков и изъятия имущества

80. В документе под неразборчивым названием, написанным от руки 15 января 2000 г. сотрудником Ачхой-Мартановского ВОВД, было запротоколировано изъятие радиостанции ФТ-26 с аксессуарами, технической документации к этой радиостанции, маскировочного халата, бронежилета, восьми государственных номерных знаков для автомашин и тракторов и военный билет военнослужащего Б. В документе было указано, что копия его передана отцу заявителей. Документ был подписан составившим его сотрудником милиции и отцом заявителей. В рапорте от 15 января 2001 г. тот же сотрудник милиции докладывает вышестоящему начальнику об изъятии вышеназванных предметов в доме по адресу Ачхой-Мартан, ул. Матросова, 28, и указывает, что эти предметы были сданы отцом заявителей.

81. Правительство не предоставило Суду какие-либо документы касательно обыска 12 апреля 2000 г..

(b) Документы, относящиеся к задержанию заявителей

82. Постановлением от 17 октября 2000 г. следователем прокуратуры Ачхой-Мартановского района было возбуждено уголовное дело в отношении заявителей по статьям № 126 (2) и 208 УК РФ в результате «оперативных мер», проведенных в доме семьи Читаевых по адресу ул. Матросова, 32 (а не 28) в город Ачхой-Мартан 12 апреля 2000 г..

83. В двух рапортах следователя районной прокуратуры от апреля 2000 г. (дата неразборчива) указано, что заявители были задержаны 17 апреля 2000 г. в соответствии со статьей 122 УПК. В рапортах указано, что в доме заявителей обнаружены явные признаки уголовного преступления, что явилось основанием для их задержания, и указано, что задержание было необходимо, чтобы они не попытались скрыться или препятствовать установлению истины. В рапортах также было указано, что заявителей подозревают в причастности к похищениям людей и в участии в незаконных вооруженных формированиях в 1996 - 2000 гг., что им объяснили их права как подозреваемых, и что в тот же день прокурору Ачхой-Мартановского района было направлено уведомление о задержании заявителей. Рапорты подписаны следователем и заявителями.

84. Двумя постановлениями от 19 апреля 2000 г. следователь районной прокуратуры назначил заявителям меру пресечения в виде заключения под стражу. В этих постановлениях упоминаются предметы, изъятые в доме семьи Читаевых 12 апреля 2000 г. и указано, что заявители подозреваются в причастности к похищению российских военнослужащих в период 1996 – 2000 гг., и, принимая во внимание серьезность обвинений и опасность, что заявители, если их оставить на свободе, попытаются препятствовать установлению истины, они должны быть взяты под стражу. В распоряжениях также говорилось, что заявители уведомлены о праве оспорить в суде применение меры пресечения. Они подписаны следователем и заявителем, а также районным прокурором, и направлены для исполнения начальнику СИЗО Чернокозово.

85. Двумя постановлениями от 20 апреля 2000 г. заявителям было предъявлено обвинение в совершении преступлений – похищения российских военнослужащих с целью получения выкупа и участия в незаконных вооруженных формированиях в период 1996 – 2000 г. В постановлениях было указано, что заявителей уведомили о причинах задержания, им разъяснили содержание предъявленного обвинения и их права. Постановления подписаны следователем и заявителями, но на них не было подписи адвоката заявителей.

86. Постановление районной прокуратуры от 20 января 2001 г. о прекращении производства по уголовному делу в отношении заявителей. В документе были подробно описаны основные процессуальные действия, предпринятые в ходе уголовного дела в отношении заявителей. Там сказано, в частности, что заявители

были задержаны 17 апреля 2000 г., что 19 апреля в отношении заявителей была применена мера пресечения в виде заключения под стражу, что 20 апреля 2000 г. им были предъявлены обвинения по статьям 126 (2) и 208 (2), что 7 августа 2000 г. срок их содержания под стражей был продлен до 5 месяцев и 22 дней, т.е. до 9 октября 2000 г..

87. Постановление республиканской прокуратуры от 29 января 2003 г. об отмене постановления от 20 января 2001 г. о прекращении уголовного дела и о возобновлении производства по уголовному делу.

(с) Документы, относящиеся к жалобам заявителей на жестокое обращение и условия содержания под стражей

88. Правительство представило ряд справок, выданных начальником СИЗО Чернокозово 21 октября 2003 г.

89. В справках говорилось, что по прибытии заявителей в СИЗО Чернокозово никаких телесных повреждений на них обнаружено не было. Первому заявителю был поставлен диагноз «черепно-мозговая травма» - во время пребывания под стражей несколько раз обращался в связи с этим за медицинской помощью, и ему были выписаны рецепты на медицинские препараты, а второй заявитель обращался за медицинской помощью пять раз по поводу гриппа и хронического гастрита, и ему также было прописано лечение.

90. В другом документе перечислялись камеры, в которых содержались заявители. В документе говорилось, что первый заявитель содержался в камерах №№10 (размером 18 кв.м.), 2 (14 кв.м.), 23 (18,8 кв.м.), 3 (12,8 кв.м.) и 10 (18 кв.м.), а второй заявитель содержался в камерах №№5 (13,2 кв.м.), 20 (12,2 кв.м.), 3 и 27 (7 кв.м. каждая). Далее в документе говорилось, что санитарные условия данных камер соответствуют установленным стандартам и что во всех камерах имеется водопровод и туалет. В документе также говорилось, что заявителям всегда предоставлялось индивидуальное спальное место, а число лиц, содержащихся в одной камере с заявителями, соответствовало установленным нормам.

91. В остальных справках говорилось, что в отношении заявителей в период с 26 апреля 2000 г. по 25 сентября 2000 г. не применялись какое-либо меры физического принуждения или спецсредства, что заявители не подавали никаких писем или жалоб в этот период, что администрацией СИЗО Чернокозово им была предоставлена необходимая информация и юридическая помощь, включая доступ к правовым документам, и что 2 июня 2000 г. у них была встреча с адвокатом Тепсаевым.

92. В нескольких письмах из российских судов различных инстанций говорилось, что в период 1999 – 2003 гг. суда соответствующих субъектов РФ не велось судопроизводство по делам в отношении заявителей, и что заявители не жаловались на незаконное задержание или действия сотрудников Ачхой-Мартановского ВОВД и СИЗО Чернокозово.

93. В составленном от руки объяснении, данном в прокуратуре Ачхой-Мартановского района 29 декабря 2001 г., второй заявитель указал, что он и первый заявитель были задержаны и помещены под стражу в связи с возбуждением в отношении их уголовного дела по подозрению в их участии в похищении людей и в деятельности незаконных вооруженных формирований, а затем отпущены по подписку о невыезде и что впоследствии уголовное дело в отношении их было прекращено. Второй заявитель также указал, что для их задержания имелись основания, поскольку в их доме действительно были обнаружены военные шинели, и что в ходе задержания не было допущено процессуальных или иных нарушений их прав. Он далее указывал, что не подписывал никаких ложных показаний и не имеет претензий к сотрудникам

Ачхой-Мартановского ВОВД и СИЗО Чернокозово, а также к следователям районной прокуратуры.

94. 7 января 2002 г. следователь Ачхой-Мартановской районной прокуратуры на основании результатов проверки жалобы, поданной SRJI от имени заявителей, принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В постановлении говорилось, что 17 апреля 2000 г. прокуратурой Ачхой-Мартановского района было возбуждено уголовное дело № 59212 в отношении заявителей по статьям 126 (2) и 208 УК РФ. Далее в постановлении говорилось, что:

«Уголовное дело было возбуждено по факту обнаружения 12.04.2000 ... в ходе проведения плановых оперативных мероприятий... восьми шинелей солдат Российской Армии с отмеченными фамилиями и номерами военных билетов, а также военного билета ранее похищенного военнослужащего Б., документов и магнитных носителей с информацией об участии [заявителей] в похищениях военнослужащих и ... незаконных вооруженных формированиях.

12.04.2000 О/У ОУР Ачхой-Мартановского ВОВД капитаном милиции Власенко С.М. был произведен осмотр места происшествия... ход и результаты которого были зафиксированы в протоколе. Осмотр производился в присутствии двух понятых, хозяина дома и двух сотрудников ОВД».

Далее в постановлении указано, что заявители были задержаны на основании статьи 122 УПК 17 апреля 2000 г., что 19 апреля 2000 г. прокурором было санкционировано применение меры пресечения в виде заключения под стражу, а 20 апреля 2000 г. заявители были привлечены в качестве обвиняемых в вышеуказанных преступлениях, и им были разъяснены их процессуальные права. В постановлении говорилось, что заявители отказались от участия защитников, но им был, тем не менее, предоставлен адвокат – г-н Тепсаев. Вслед за этим в постановлении указано, что 4 октября 2000 г. мера пресечения в отношении заявителей была изменена на подписку о невыезде, а 20 февраля [вместо января] 2001 г. уголовное дело было прекращено за недоказанностью их участия в совершении вменяемых им преступлений. Далее в документе говорилось:

«В ходе предварительного следствия по данному уголовному делу обысков не проводилось.

Процессуальных нарушений в ходе предварительного следствия нет, что подтверждается материалами уголовного дела № 59121.

Признательных показаний...[заявителями] не подписывалось - то подтверждается отсутствием таковых документов в уголовном деле № 59212, а также объяснениями [второго заявителя].

...

Процессуальных и иных нарушений в отношении [заявителей] в ходе следствия, содержания в ИВС при ВОВД Ачхой-Мартановского района и н.п. Чернокозово допущено не было – это подтверждается материалами уголовного дела № 59212, а также объяснениями [второго заявителя].

Учитывая вышеизложенное, в действиях следователей прокуратуры, в производстве которых находилось уголовное дело № 59212, сотрудников ИВС при ВОВД Ачхой-Мартановского района и н.п. Чернокозово... нет ни одного состава преступления, предусмотренного статьями Уголовного Кодекса РФ...».

Постановление завершается словами о том, что в просьбе SRJI о возбуждении уголовного дела по жалобам заявителей решено отказать, уведомить об этом заинтересованных лиц и разъяснить им право обжалования данного постановления в Ачхой-Мартановскую межрайонную прокуратуру или в суд. В постановлении никак не комментируется ссылка SRJI на медицинские документы о телесных повреждениях у заявителей.

95. 2 мая 2002 г. прокурором прокуратуры Чеченской Республики составлено заключение «служебного расследования по факту действий сотрудников Ачхой-

Мартановской межрайонной прокуратуры при рассмотрении заявления заявителей о жестоком обращении с ними в СИЗО н.п. Чернокозово и Ачхой-Мартановском ВОВД в период с 12 апреля по 5 октября 2000 г.». В документе говорилось, что служебное расследование было проведено по факту обращения SRJI от имени заявителей с просьбой отмены необоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам жестокого обращения с заявителями в период их содержания под стражей. Было указано, что служебной проверкой установлено следующее:

«В январе месяце 2002 г. [второй заявитель и его отец] были приглашены в Ачхой-Мартановскую межрайонную прокуратуру по поводу поступившего материала о применении в отношении [заявителей] недозволённых методов следствия. [Второй заявитель] лично не писал куда-либо заявлений об оказании на него давления для дачи каких-либо показаний. Поэтому он по добровольному согласию дал следователю Ч. объяснение, в котором пояснил, что к нему недозволённые методы ведения следствия не применялись, и он к правоохранительным органам претензий не имеет.

Никакого давления, психического или физического, для дачи этого объяснения ни следователем, ни прокурором на него не оказывалось. В его адрес... также не высказывались никакие угрозы... Более того, с прокурором А-К он имел беседу уже после дачи объяснения следователю Ч.

Его отец от дачи объяснений отказался. В настоящее время он находится на лечении за пределами республики. От каких-либо объяснений отказывается, поскольку ему все это надоело.

Обращался ли [первый заявитель] в какие-либо правозащитные органы с заявлением, [второй заявитель] не знает. В настоящее время [первый заявитель] проживает в Польше, связи с ним [второй заявитель] не имеет.

На приеме у координатора [SRJI] в Москве, видимо, был его младший брат... и дал, по всей видимости, эту информацию. После этого он лично разговаривал с [младшим братом] и запретил ему в дальнейшем обращаться в правозащитные органы с неправомерными данными.

Опрошенный в ходе проверки следователь Ачхой-Мартановской межрайонной прокуратуры Ч. по данному факту пояснил, что в январе им проводилась проверка ... доводов, указанных в заявлении [представителя SRJI], в которых говорилось о недозволённых методах ведения следствия и содержании в ИВС Ачхой-Мартановского ВОВД, СИЗО н.п. Чернокозово [заявителей]. В ходе проверки он опрашивал [второго заявителя], на которого ни морального, ни физического давления оказано не было. ... Заявление от [второго заявителя] не отбиралось он был опрошен, после чего прочитал данную объяснительную и подписал ее. [Отец заявителей] явился в прокуратуру со своим сыном [вторым заявителем] и, дав объяснение в устной форме, покинул служебный кабинет и больше на вызовы не являлся. По результатам проверки было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции, якобы допустивших к [заявителям] недозволённые методы при ведении следствия и содержании под стражей. Поэтому в возбуждении уголовного дела было отказано на основании [отсутствия состава преступления в их действиях].

Опрошенный по данному факту прокурор Ачхой-Мартановской межрайонной прокуратуры А-К пояснил, что проверка доводов о применении следствием [в отношении заявителей] недозволённых методов ведения следствия межрайонной прокуратурой проведена в первой декаде января 2002 г. В возбуждении уголовного дела по результатам проверки отказано [ввиду отсутствия состава преступления]. Никакого давления на [второго заявителя] и его отца сотрудниками прокуратуры не оказывалось. [Второй заявитель] попросился на прием к прокурору уже после дачи объяснения следователю. Приглашенный в прокуратуру [второй заявитель] по просьбе проверяющего из прокуратуры республики подтвердил клеветнический характер доводов, изложенных в письме [SRJI]. С решением, принятым Ачхой-Мартановской межрайонной прокуратурой, прокуратура ЧР согласилась».

В документе был сделан вывод, что решение, принятое следователем Ч. об отказе в возбуждении уголовного дела по факту применения насилия сотрудниками Ачхой-Мартановского ВОВД и СИЗО н.п. Чернокозово в отношении заявителей в период их содержания под стражей с 12 апреля по 5 октября 2000 г., является обоснованным и законным и что утверждения SRJI об

оказании давления на второго заявителя и его отца при рассмотрении обращения SRJI признаны не соответствующими реальному положению дел, а в их просьбе об отмене постановления от 7 января 2002 г. следует отказать.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

A. Доклады Совета Европы

96. СИЗО Чернокозово, где содержались заявители, было уделено серьезное внимание многими правозащитными организациями, включая Европейский комитет по предотвращению пыток (ЕКПП), по причине жалоб на жестокое обращение с содержащимся там людьми. 4 марта 2000 г. глава делегации ЕКПП г-н Хаджек выступил с заявлением, адресованным российскому руководству, в конце визита ЕКПП на Северный Кавказ. В заявлении, помимо прочего, говорилось следующее в отношении посещения СИЗО Чернокозово:

«Делегация удовлетворена тем, что в настоящее время, лица, содержащиеся под стражей в данном учреждении, не подвергаются физическому жестокому обращению. Кроме того, несмотря на то, что условия содержания под стражей в СИЗО оставляют желать лучшего, делегация отметила, что в последнее время были предприняты и продолжают предприниматься усилия, направленные на улучшение этих условий.

Однако информация, собранная делегацией, явно указывает на то, что многие из лиц, содержащихся в Чернокозово, подвергались жестокому обращению в этом учреждении в период с декабря 1999 г. до начала февраля 2000 г. В различных местах делегация провела индивидуальные приватные интервью со значительным числом заключенных, содержавшихся в Чернокозово в указанный период времени. Стало очевидным систематическое жестокое обращение с заключенными со стороны сотрудников учреждения. Проявлениями такого обращения были удары ногами, руками и дубинками по разным частям тела (кроме лица). По словам заключенных, жестокое обращение практиковалось в основном в центральном коридоре СИЗО, обычно когда заключенных вели в кабинет следователя для допросов или обратно в камеру после допроса. По-видимому, заключенные также иногда подвергались жестокому обращению в кабинете следователя. По словам задержанных, следователи хорошо знали о жестоким обращении, а некоторые заключенные утверждали, что оно применялось по инициативе следователя. В некоторых случаях делегация собрала данные медицинских освидетельствований некоторых заключенных, которые соответствовали их заявлениям о жестоким обращении.

Также стоит отметить то, что практически все интервьюированные заключенные, находившиеся в Чернокозово в период с января по февраль 2000 г., отметили, что в СИЗО произошли явные изменения к лучшему в начале февраля 2000 г., когда началась смена сотрудников. Прекратились избиения, а также произошли другие улучшения, в особенности с питанием. Более того, опрошенные заключенные, поступившие в учреждение после первой недели февраля 2000 г., не делали никаких заявлений о жестоким обращении».

97. 10 июля 2003 г. ЕКПП подготовил публичное заявление по Чеченской Республике в соответствии со Статьей 10 п.2 Европейской Конвенции о предотвращении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Данная мера была предпринята вследствие отказа российских властей сотрудничать с ЕКПП по двум вопросам: 1) проведение тщательной и независимой проверки событий в СИЗО Чернокозово, имевших место в период с декабря 1999 г. до начала февраля 2000 г.; 2) в отношении действий, направленных на раскрытие случаев и привлечение к уголовной ответственности за жестокое обращение лиц, лишенных свободы в Чеченской Республике во время текущего военного конфликта. В частности, в заявлении говорилось следующее:

«... информация, собранная делегацией ЕКПП в ходе поездок в феврале-марте и апреле 2000 г., указывает на то, что значительное число лиц, лишенных свободы в Чеченской Республике с момента начала конфликта, подверглись жестокому обращению со стороны российских военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. В докладе об этих двух поездках ЕКПП рекомендует российскому правительству удвоить усилия по раскрытию и

уголовному преследованию всех случаев жестокого обращения с лицами, лишенными свободы в Чеченской Республике в ходе конфликта. Комитет сделал ряд замечаний практического характера для уточнения того, какую форму могут принять такие усилия. В целом ЕКПП подчеркнул то, что российские власти обязательно должны занять активную позицию в данной сфере.

Реакция российского государства на эти важные рекомендации была весьма неудовлетворительной...

Как подчеркивалось в письме, направленном российским властям 10 мая 2001 г., обеспокоенность ЕКПП по данному вопросу растет, учитывая, что в ходе последнего визита Комитета в Чеченскую Республику в марте 2001 г. были получены многочисленные достоверные и непротиворечивые заявления о жестоком обращении со стороны российских федеральных сил и в ряде случаев эти заявления подтверждались медицинским заключением. Делегация ЕКПП констатировала ощутимую атмосферу страха - многие из тех, кто подвергся жестокому обращению или знал о таких случаях, не хотели жаловаться властям. Страх перед мстостью на местном уровне и общее неверие в то, что справедливость будет достигнута, царят в Республике. Перед российскими властями было подчеркнуто то, что они не должны жалеть никаких усилий для преодоления глубоко неудовлетворительного состояния дел в данной области».

98. 10 июля 2003 г. ЕКПП подготовил второе публичное заявление по Чечне. Поводом для него послужили утверждения о продолжающейся практике пыток и других форм жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов и федеральных сил, действующих в Чеченской Республике. В заявлении также говорится, что привлечение виновных к ответственности происходит медленно и в итоге неэффективно. В частности, в докладе говорилось:

«В ходе посещения ЕКПП Чеченской Республики в 2002 г., и особенно в ходе недавнего посещения с 23 по 29 мая 2003 г. многие лица, опрошенные отдельно и в разных местах, утверждали, что подвергались жестокому обращению во время задержания правоохранительными органами. Эти утверждения были подробными, непротиворечивыми, и в них шла речь о жестоких побоях, воздействии электрошока и удушении с помощью полиэтиленового пакета или противогаза. Во многих случаях эти утверждения были подтверждены данными медицинских заключений. Так, некоторые лица, осмотренные врачами делегации, имели следы на теле или заболевания в полном соответствии с их утверждениями. Также была собрана документация, содержащая данные медицинских заключений, совпадающие с утверждениями о жестоком обращении при содержании под стражей в правоохранительных структурах».

В. Национальное законодательство

1. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 г., действовавший до июля 2002 г.

(а) Положения, касающиеся возбуждения уголовного дела

99. Согласно статье 108, поводами к возбуждению уголовного дела могли быть заявления и письма граждан; сообщения государственных или неправительственных организаций; статьи, опубликованные в печати, либо непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления.

100. Согласно статье 109, следственные органы были обязаны в случае сообщения о преступлении принять в срок не более десяти суток одно из следующих решений: о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности. О принятом решении следовало сообщать заявителю.

101. Согласно статье 113, в случае отказа в возбуждении уголовного дела, следственные органы должны вынести мотивированное постановление. О принятом решении следовало уведомлять заявителей и разъяснять им их право на обжалование этого постановления.

(б) Положения, касающиеся ареста и задержания

102. Статьей 11 (1) гарантировала неприкосновенность личности и гласила, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора.

103. Статьей 122 устанавливалось, что орган дознания вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, только при наличии одного из следующих оснований:

- i. когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- ii. когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;
- iii. когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

О всяком случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания обязан был составить протокол с указанием оснований, мотивов, дня и часа, г. и месяца, места задержания, объяснений задержанного, времени составления протокола и в течение 24 часов сделать письменное сообщение прокурору. В течение 48 часов с момента получения извещения о произведенном задержании прокурор обязан был дать санкцию на заключение под стражу либо освободить задержанного.

104. Статья 89 (1) предусматривала применение мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора. В таких случаях лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд были вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу.

105. Статья 90 допускала в исключительных случаях применять меру пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, до предъявления ему обвинения. В этом случае обвинение следовало предъявить не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не было предъявлено, меру пресечения следовало отменить.

106. Статья 91 предписывала при разрешении вопроса о необходимости применить меру пресечения учитывать также тяжесть предъявленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства.

107. Статья 92 устанавливала, что о применении меры пресечения лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или суд должны вынести мотивированное постановление или определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется данное лицо, и основание для избрания примененной меры пресечения. Это постановление или определение следовало объявить лицу, в отношении которого оно вынесено и одновременно разъяснить ему порядок обжалования применения меры пресечения. Копия постановления или определения о применении меры пресечения должна была немедленно вручаться лицу, в отношении которого оно вынесено.

108. Статья 96 устанавливала основания для заключения под стражу и уполномочивала прокуроров от районного и городского уровня до уровня Генерального прокурора давать санкцию на арест.

109. Статья 97 гласила, что содержание под стражей при расследовании преступлений по уголовным делам не может продолжаться более двух месяцев.

Этот срок мог быть продлен прокурором до трех месяцев; дальнейшее продление могло быть осуществлено прокурором субъекта Российской Федерации (или приравненным к нему прокурором) до шести месяцев.

Дальнейшее продление срока содержания под стражей свыше шести месяцев допускалось в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений и осуществлялось заместителем Генерального прокурора Российской Федерации до одного г. и Генеральным прокурором Российской Федерации до полутора лет. Дальнейшее продление срока не допускалось, и содержащийся под стражей обвиняемый подлежал немедленному освобождению.

110. Жалобы на продление срока содержания под стражей могли быть принесены в суд по месту содержания лица под стражей (статьи 220-1 и 220-2).

(с) Положения, касающиеся компенсации за незаконное содержание под стражей

111. В статье 58-1 говорилось, что при прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, компетентные должностные лица обязаны принять меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате, помимо прочего, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу.

(d) Положения, касающиеся обысков и изъятия имущества

112. Статья 87 предписывала, что все следственные действия, включая осмотр, обыск и выемку, должны быть зафиксированы соответствующим протоколом.

113. Глава 14 регулировала проведение обысков, выемки и наложения ареста на имущество. Согласно статье 168, обыск мог производиться по мотивированному постановлению следователя и только с санкции прокурора. В случаях, не терпящих отлагательства, обыск мог быть произведен без санкции прокурора, но с последующим сообщением прокурору в суточный срок о произведенном обыске. Статья 171 ограничивала производство выемки и обыска изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу.

114. Глава 15 касалась осмотра и освидетельствования. Статьей 178 допускался осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства. В этих случаях, при наличии к тому оснований, уголовное дело следовало возбудить немедленно после проведения осмотра места происшествия. Статья 182 предусматривала составление протокола осмотра. В протоколе следовало описывать все следственные действия и все изъятые при осмотре.

2. Закон РФ "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" (в ред. Федерального закона от 14 декабря 1995 г.)

115. Закон предусматривает, что каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями или решениями государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы.

116. Гражданин вправе обратиться с жалобой либо непосредственно в суд, либо к вышестоящему государственному органу, который обязан рассмотреть жалобу в месячный срок. Если гражданину в удовлетворении жалобы отказано или он не получил ответа в течение месяца со дня ее подачи, он вправе обратиться с жалобой в суд.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛА О ШЕСТИ МЕСЯЦАХ

117. Суд повторяет, что в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции он может принимать дело к рассмотрению в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу. Если средств правовой защиты не существует или они признаны неэффективными, шестимесячный срок в принципе отсчитывается с даты совершения действий, составляющих суть жалобы (см. *Hazar and Others v. Turkey* (dec.), nos. 62566/00 et seq., 10 января 2002). Особые обстоятельства могут быть учтены в исключительных случаях, когда заявитель вначале обращается к внутригосударственному средству защиты и лишь на более позднем этапе осознает или должен осознать наличие обстоятельств, делающих такое средство защиты неэффективным. В такой ситуации шестимесячный срок может отсчитываться с момента, когда заявитель осознает или должен осознать эти обстоятельства (см. *Bulut and Yavuz v. Turkey* (dec.), no. 73065/01, 28 мая 2002).

118. Далее Суд указывает, что не считает для себя возможным оставить без внимания правило шести месяцев по той лишь причине, что Государством-ответчиком не сделано предварительных возражений на основании данного правила, поскольку этот критерий, отражающий стремление Договаривающихся сторон предотвратить претензии в отношении прошлых событий с неограниченным сроком давности, не только служит интересам Государств-ответчиков, но и представляет самостоятельную ценность, поскольку способствует правовой определенности. Он устанавливает сроки, на которые распространяется контрольная функция органов Конвенции и указывает как частным лицам, так и представителям государственной власти, за пределами какого периода времени такой контроль невозможен (см. *Walker v. the United Kingdom* (dec.), no. 34979/97, ECHR 2000-I).

119. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что в своей первоначальной жалобе, поданной 19 июля 2000 г., заявители жаловались на нарушение Статей 5, 8 и 13 Конвенции и Статьи 1 Протокола № 1 Конвенции, а заявления о нарушении Статьи 3 Конвенции были сделаны лишь 6 ноября 2002 г., когда заявители подали дополнительную жалобу. Суд далее отмечает, что эти жалобы, сделанные позднее, касались жестокого обращения с заявителями и условий их содержания под стражей в период с 12 апреля по 5 октября 2000 г., в связи с чем встает вопрос о соблюдении заявителями правила шести месяцев.

120. Что касается утверждений заявителей о жестоком обращении, Суд отмечает, что они обратились с этой жалобой в государственные органы 5 октября 2001 г., а последний по времени ответ от властей на эту жалобу датирован 6 мая 2002 г. Поэтому Суд считает, что заявители выполнили правило шести месяцев в отношении своей жалобы на жестокое обращение.

121. Что касается условий содержания заявителей под стражей, Суд отмечает, что, судя по имеющимся в его распоряжении материалам, заявители, видимо, не пытались довести эти претензии до сведения государственных органов ни в жалобе от 5 октября 2001 г., в которой речь идет только о жестоком обращении, ни когда-либо еще. Далее Суд считает, что нет необходимости определять, имелись ли у заявителей эффективные средства защиты в отношении предполагаемых нарушений, поскольку даже если предположить, что в обстоятельствах данного дела у них не было таких средств, они, согласно их собственному объяснению, были освобождены из-под стражи 5 октября 2000 г., а жалоба была подана более шести месяцев спустя - 6 ноября 2002 г.

122. Следовательно, жалоба заявителей на условия содержания, была подана не в установленный срок, а значит, Суд не может рассматривать ее по существу.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. Доводы сторон

1. Правительство

123. Правительство попросило Суд признать данную жалобу неприемлемой в связи с тем, что Заявители не исчерпали имеющиеся в их распоряжении внутригосударственные средства правовой защиты.

124. Правительство указало на то, что заявители могли оспорить законность своего ареста и содержания под стражей в прокуратуру или в суд. В этой связи Правительство подчеркнуло, что соответствующими законами установлена эффективная система защиты лиц, содержащихся под стражей и желающих подать жалобу. В частности, их письма в прокуратуру должны отправляться в запечатанных конвертах и не подлежат цензуре. Кроме того, такие письма, а также жалобы в другие органы власти и письма адвокатам должны передаваться администрацией учреждения адресатам незамедлительно, и должностные лица могут быть привлечены к ответственности за вмешательство в такую переписку. Согласно данным, представленным Правительством, заявителям в период содержания под стражей предоставлялась юридическая информация, но они нигде не обращались с письмами или жалобами, пока находились под стражей.

125. Далее Правительство утверждало, что после освобождения у заявителей была возможность требовать компенсации за свое содержание под стражей в порядке гражданского судопроизводства в Чечне, где суды возобновили свою работу в ноябре 2000 г., либо в соседних регионах. Кроме того, заявители имели возможность обжаловать в Генеральную прокуратуру или в суд прокурорские постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителей на жестокое обращение. Правительство утверждало, что заявители не воспользовались ни одним из этих средств защиты.

126. Наконец, по мнению Правительства, заявители могли обжаловать в суд все действия правоохранительных органов в связи с производством по уголовному делу в отношении заявителей в соответствии с законом РФ "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан", но не сделали этого.

2. Заявители

127. Заявители оспорили возражения Правительства.

128. Во-первых, они заявили, что в 2000 г. не могли эффективно воспользоваться каким-либо средством правовой защиты на территории Чеченской Республики, поскольку там не функционировала должным образом правовая система, в том числе суды.

129. Заявители также утверждали, что продолжающаяся административная практика отказа властей от проведения адекватного расследования преступлений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне, делает любые потенциально эффективные средства правовой защиты неадекватными и иллюзорными в данном конкретном случае. В связи с этим они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, считающими себя жертвами подобных нарушений, а также на документы Совета Европы, доклады НПО и СМИ.

130. Заявители также указали на существование особых обстоятельств, освобождающих их от обязанности исчерпания внутригосударственных средств защиты - они утверждали, что в результате жестокого обращения с ними в период содержания под стражей они не могли обратиться в правоохранительные органы сразу после освобождения ввиду плохого состояния здоровья и необходимости серьезного лечения. Они также настаивали на том, что чувствовали себя незащищенными, бессильными и испытывали страх перед представителями

Государства. Заявители также утверждали, что после того, как они были вынуждены в результате давления отказаться от своих показаний 7 января 2002 г., они потеряли веру в эффективность внутригосударственных средств защиты.

131. Они утверждали, что, тем не менее, после освобождения обратились в органы прокуратуры с просьбой о возбуждении уголовного дела и проведении расследования фактов жестокого обращения, поскольку уголовное производство, с их точки зрения, было бы адекватным средством правовой защиты ввиду характера их жалоб и соответствующей практики Суда. Однако эти действия оказались безрезультатными, поскольку, несмотря на их очень серьезные и подробные заявления, подтвержденные медицинскими заключениями, органы власти продолжали занимать пассивную позицию и не проявили достаточной оперативности и добросовестности в ответ на их жалобы. Не было проведено расследования, а их жалобы были отклонены без должного рассмотрения. Кроме того, власти отказали им в просьбе об ознакомлении с материалами дела и даже не направили им копию постановления от 7 января 2002 г., ссылаясь на положения старого процессуального кодекса, хотя на момент просьбы уже вступило в силу новое законодательство, согласно которому они имели право на получение копии такого постановления. Таким образом, они были лишены реальной возможности обжаловать это постановление в суде. Кроме того, когда заявители находились под стражей, их родственники неоднократно обращались с просьбой о возбуждении уголовного дела по фактам незаконного задержания заявителей, а также обыска и изъятия имущества. Однако во всех этих просьбах им было отказано. При таких обстоятельствах любой гражданский иск к правоохранительным органам или представителям федеральных сил был бы отклонен, поскольку не было проведено официального расследования фактов, на которых мог бы быть основан такой иск.

132. На основании этого заявители, ссылаясь на решение Суда по делу *Akdivar and others v. Turkey* (от 16 сентября 1996, отчеты 1996-IV), утверждали, что Правительство не смогло продемонстрировать в отношении указанных им средств правовой защиты, что они были эффективны, имелись в наличии как в теории, так и на практике в соответствующий период времени, что они были доступны и могли с разумной степенью вероятности успеха обеспечить получение заявителями компенсации в связи с их жалобой.

В. Оценка Суда

133. Суд отмечает, что в своем решении от 30 июня 2005 г. указал на тесную связь вопроса об исчерпании внутригосударственных средств защиты с содержанием жалоб заявителей, и этот вопрос должен рассматриваться совместно с рассмотрением существа дела. Далее Суд приводит свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики.

1. Общие соображения

134. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, на которое имеется ссылка в Статье 35 § 1 Конвенции, налагает на Заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике – в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые впоследствии подаются в Суд, первоначально подавались в надлежащие национальные органы, по крайней мере, по существу вопроса и в соответствии с официальными требованиями национального законодательства и чтобы вначале

были предприняты все процессуальные шаги, которые могут предотвратить нарушение Конвенции. Однако заявитель не обязан прибегать к средству правовой защиты, которое неадекватно или неэффективно (см. *Aksoy v. Turkey*, решение от 18 December 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996 VI, pp. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others*, цит. выше, p. 1210, §§ 65-67; и позднее - *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006).

135. Правительство, которое утверждает, что заявителями не были исчерпаны все национальные правовые средства, должно указать Суду с достаточной степенью ясности, к каким средствам не прибегли заявители и убедить Суд, что эти средства были эффективны и доступны как теоретически, так и практически в то время, когда происходили события, что они давали возможность заявителю получить компенсацию в связи со своей жалобой, и обращение с такой жалобой имело перспективы на успех (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, p. 1211, § 68, или *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

136. Кроме того, правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должно применяться с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Суд далее признал, что данное правило не является ни абсолютным, ни подлежащим автоматическому применению; чтобы проверить, было ли оно соблюдено, необходимо учесть обстоятельство конкретного дела. Это означает, в частности, что Суд должен принять во внимание не только наличие формальных средств правовой защиты в правовой системе Государства, но и общий контекст применения этих средств, наряду с рассмотрением личных обстоятельства заявителя. После этого Суд должен оценить, предпринял ли заявитель при всех обстоятельствах данного дела все меры, которые с разумной точки зрения можно от него/нее ожидать, для исчерпания внутренних средств правовой защиты (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, p. 1211, § 69, and *Aksoy*, цит. выше, p. 2276, §§ 53-54).

2. Применение в данном случае

(а) В отношении жалобы заявителей по Статье 3 Конвенции

137. Суд с самого начала отмечает, что 5 октября 2001 г. представители заявителей обратились с жалобой о жестоком обращении с заявителями во время пребывания под стражей в районную прокуратуру, которая 7 января 2002 г. отказала им в возбуждении уголовного дела. Копия соответствующего постановления так и не была направлена заявителям, несмотря на их конкретную просьбу об этом. Их попытка обжаловать постановления в республиканской прокуратуре завершилась неудачей, а в суд они не обращались.

138. Суд отмечает аргумент Правительства о том, что заявители могли обратиться в Генеральную прокуратуру. Однако Суд не убежден, что это послужило бы заявителям эффективным средством, позволяющим обжаловать отсутствие адекватного расследования по фактам жестокого обращения. Вмешательство вышестоящих органов прокуратуры является крайним средством, применение которого отнесено на усмотрение сотрудников прокуратуры. Суд не считает, что заявители должны были исчерпать данное средство для соблюдения требований Статьи 35 § 1 Конвенции (см. *Trubnikov v. Russia* (dec.), no. 9790/99, 14 октября 2003).

139. Что касается возможности судебного обжалования отказа в возбуждении уголовного дела, Суд согласен с тем, что в принципе данное средство может обеспечить существенную защиту от незаконных действий следственных органов, учитывая право суда отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и указать на допущенные нарушения (см. *Trubnikov* (dec.), цит. выше). Однако Суд выражает серьезные сомнения касательно того, насколько

эффективным было бы такое средство в данном случае. Имеющиеся у Суда материалы указывают на то, что власти лишь уведомили заявителей об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 января 2002 г., но не направили им копию постановления. Более того, власти явным образом отказали заявителям в их просьбе о получении копии постановления. Попытка заявителей обжаловать постановление в республиканской прокуратуре, не имея на руках копии документа, была безуспешной - ими был получен 6 мая 2002 г. лишь стандартный короткий ответ (см. выше п. 61).

140. С точки зрения Суда, при таких обстоятельствах вряд ли можно было ожидать, что заявители пойдут дальше и обратятся в суд. Представляется весьма сомнительным, что не имея копии постановления от 7 января 2002 г., заявители смогли бы выявить недостатки следствия и довести их до сведения национального суда либо представить в виде общего иска какие-то иные доводы, относящиеся, с их точки зрения, к данному делу. Иными словами, учитывая обстоятельства данного дела, у заявителей не было реальной возможности эффективно обжаловать в суде постановление от 7 января 2002 г.

141. В свете вышесказанного Суд считает не установленным с достаточной определенностью, что средство правовой защиты, указанное Правительством, имело разумные перспективы быть успешным. Поэтому Суд отклоняет предварительное возражение в отношении данной части жалобы.

(b) В отношении жалобы заявителей по Статье 5 Конвенции

142. Учитывая информацию, предоставленную сторонами по этому вопросу, Суд считает уместным обратиться к нему в рамках рассмотрения по существу жалоб заявителей на нарушение Статьи 5 Конвенции.

(c) В отношении жалоб заявителей по Статье 8 Конвенции и Статье 1 Протокола № 1

143. Относительно жалоб заявителей на незаконное проведение обыска и изъятие имущества Суд отмечает, что согласно национальному праву, у заявителей была возможность обжаловать в суд предполагаемые нарушения их прав (см. выше пп. 115 и 116). Европейский суд готов принять аргумент, что заявители не могли обратиться в суд по поводу защиты своих прав в период с января по ноябрь 2000 г. из-за того, что в целом нормальное функционирование судебной системы в Чечне было нарушено, а также в течение последующего периода ввиду того, что после освобождения заявители нуждались в лечении. Однако Суд не находит обстоятельств, которые препятствовали бы обращению заявителей лично, при посредстве родственников или SRJI в суды, когда они возобновили свою работу, учитывая в особенности, что с жалобами на обыски и изъятия от имени семьи Читаевых обращались в основном отец и брат заявителей. Например, брат заявителей неоднократно обращался в правоохранительные органы в связи с обысками и изъятиями имущества не только в 2000 г., но и в 2002 г. (см. пп. 51, 53 и 60). Эти попытки, по-видимому, оказались безуспешными, но Суд не получил удовлетворительных объяснений того, почему обыски и изъятия имущества, а также отсутствие реакции со стороны правоохранительных органов на обращения не были обжалованы в суд в соответствии с Федеральным законом от 14 декабря 1995 г. (см. *Popov and Vorobyev v. Russia* (partial decision), no. 1606/02, 2 марта 2006).

144. С учетом вышеназванных соображений и конкретных обстоятельств дела Суд делает вывод, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства защиты в отношении указанных жалоб. Поэтому предварительное возражение Правительства по данной части жалобы принимается.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

145. Заявители утверждают, что в нарушение Статьи 3 они явились жертвами пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения во время нахождения под стражей. Они также указывают на то, что государство не выполнило своего обязательства, предусмотренного Статьей 3, о проведении надлежащего расследования обоснованных утверждений о пытках. Заявители ссылаются на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Предполагаемое жестокое обращение со стороны представителей государственной власти

1. Информация, предоставленная сторонами

146. Заявители утверждали, что в период содержания под стражей подвергались крайне жестокому обращению, и в подтверждение ссылались на медицинские документы, составленные сразу же после их освобождения. Они утверждали, что справки, представленные Правительством, не могут рассматриваться как убедительное опровержение их утверждений о жестокое обращении, поскольку эти документы были выданы в октябре 2003 г. и не содержали подробностей врачебного осмотра, заявителей, который, как утверждает Правительство, был проведен после их перевода из Ачхой-Мартановского ВОВД в СИЗО Чернокозово. В отношении последнего заявители также ссылаются на непредставление Правительством каких-либо документов, выданных сразу после поступления заявителей в СИЗО Чернокозово в апреле 2000 г., которые отражали бы результаты врачебного осмотра заявителей. Заявители также указали, что даже в представленных Правительством документах от 2003 г. подтверждается, что первый заявитель перенес травму головы, но Правительство не дало объяснений этой травмы. Заявители также ссылались на доклады НПО и сообщения СМИ, документы Совета Европы и другие жалобы, поданные в Европейский Суд, в которых осуждалась широко распространенная практика жестокого обращения с задержанными в Чечне, особенно в тюрьме Чернокозово.

147. В отношении справок, выданных начальником СИЗО Чернокозово и датированных 21 октября 2003 г., Правительство отрицало, что заявители подвергались какому-либо противозаконному насилию в период содержания под стражей. Правительство также настаивало на том, что заявителей по прибытии в СИЗО Чернокозово осматривал врач и что у них не было обнаружено никаких телесных повреждений, кроме травмы головы, которую до этого перенес первый заявитель. Правительство также утверждало, что заявители в период содержания под стражей регулярно получали медицинскую помощь в связи с травмой головы первого заявителя и хроническим гастритом второго заявителя. Правительство не представило никакой информации по поводу медицинских документов, составленных в отношении заявителей после их освобождения.

2. Оценка, данная Судом

148. Суд в очередной раз подчеркивает, что власти обязаны защищать физическую неприкосновенность лиц, содержащихся под стражей. В тех случаях, когда человек был взят под стражу здоровым, а в момент освобождения у него обнаружены травмы, на Государство возлагается обязанность предоставить достоверные объяснения происхождения этих травм. В ином случае может быть сделано предположение в пользу истца и в связи с этим может встать вопрос о нарушении Статьи 3 Конвенции (см. *Tomasi v. France*, решение от 27 August 1992,

Series A no. 241-A, pp. 40-41, §§ 108-111, и *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

149. При оценке доказательств Суд обычно придерживается стандарта доказывания, при котором доказательства "не должны вызывать разумных сомнений" (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 January 1978, Series A no. 25, pp. 64-65, § 161). Однако доказательством можно считать существование достаточно убедительных, ясных и непротиворечивых косвенных признаков или аналогичные неопровергнутые предположения. В случае, когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению властей, как в случае содержания под стражей под государственным контролем, возникают основания для серьезных предположений в отношении телесных повреждений, появившихся в период такого содержания под стражей. В таком случае можно считать, что бремя предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения должно возлагаться на государство (см. *Ribitsch v. Austria*, решение от 4 December 1995, Series A no. 336, § 34, and *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

150. Суд отмечает, что медицинские документы, составленные врачами Ачхой-Мартановской больницы в день после освобождения заявителей, подтверждают наличие у заявителей различных травм головы, тела и конечностей (см. выше п. 36). Государство ни на каком из этапов не оспорило подлинность этих документов и не выдвинуло аргументов, что данные травмы появились до или после содержания заявителей под стражей. Правительство лишь в целом отрицало утверждения заявителей, ссылаясь на справки, выданные начальником СИЗО Чернокозово 21 октября 2003 г., в подтверждение того, что при врачебном осмотре в момент поступления в СИЗО Чернокозово у заявителей не было обнаружено телесных повреждений и что во время их содержания в СИЗО незаконных методов воздействия в отношении заявителей не применялось. Правительство также ссылалось на результаты внутригосударственного расследования, согласно которому утверждения заявителей были признаны необоснованными.

151. Суд на основании имеющихся у него материалов не считает аргументы Правительства убедительными, поскольку ни органы власти национального уровня, ни Правительство как сторона дела в Европейском Суде никак не прокомментировали медицинские документы, удостоверяющие наличие у заявителей медицинских повреждений, и не предложили правдоподобных объяснений происхождения этих травм (see, by contrast, *Klaas v. Germany*, решение от 22 сентября 1993, Series A no. 269, §§ 29-31).

152. Учитывая непротиворечивые и подробные утверждения заявителей, подтвержденные медицинскими документами, Суд приходит к выводу о том, что Правительство не предоставило удовлетворительных доказательств того, что травмы заявителя вызваны чем-либо другим, нежели - полностью, главным образом или частично - тем обращением, которому они подвергались в период содержания под стражей (см. *Ribitsch*, цит. выше, § 34).

153. Что касается серьезности актов жестокого обращения, Суд вновь подчеркивает, что для определения того, является ли конкретная форма жестокого обращения пыткой, необходимо учитывать содержащиеся в Статье 3 различия между понятиями "пытка" и "жестокое или унижительное обращение". Можно предположить, что посредством такого различия в Конвенции особо осуждается намеренное бесчеловечное обращение, причиняющее крайне серьезные и жестокие страдания. В прошлом Суд рассматривал дела, в которых установил, что имело место обращение, которое можно охарактеризовать только как пытки (см. *Aksoy*, цит. выше, р. 2279, § 64; *Aydin*, цит. выше, pp. 1891-92, §§ 83-84 and 86; *Selmouni*, цит. выше, § 105; *Dikme v. Turkey*, no. 20869/92, §§ 94-96, ECHR 2000-

VIII; и из недавно принятых решений, *Bati and Others v. Turkey*, nos. 33097/96 и 57834/00, § 116, ECHR 2004 IV (выдержки)).

154. Далее Суд указывает на свою сложившуюся практику принятия решений, согласно которой в отношении лица, лишённого свободы, любое применение физической силы, которое не является абсолютно необходимым из-за поведения такого лица, унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением прав, провозглашенных Статьей 3 Конвенции. Суд указывает, что задачи следствия и неоспоримые трудности борьбы с преступностью не могут служить оправданием для ограничения той степени защиты, которая должна быть обеспечена в отношении физической неприкосновенности человека (см. *Tomasi*, цит. выше, р. 42, § 115, и *Ribitsch*, цит. выше, §§ 38-40).

155. Суд считает, что в настоящем случае факт физической боли или страданий подтверждается медицинскими документами от 6 октября 2000 г. и утверждениями заявителей о жестоком обращении с ними в период содержания под стражей, из чего следует, что боль и страдания причинялись им намеренно, в частности, с целью вынудить их признаться в совершении вменяемых им преступлений (см. выше пп. 20, 21 и 27).

156. Действия, составляющие предмет жалобы, были призваны вызывать у заявителей страх, душевные страдания и чувство униженности, унижить их человеческое достоинство и, возможно, переломить их физическое и моральное сопротивление.

157. Остается установить, можно ли «боль или страдания», причиненные заявителям, охарактеризовать как «тяжелые». Суд отмечает, что понятие «тяжелые», как и определение «минимального уровня тяжести» как критерия применения Статьи 3, являются по своей природе относительными и зависят от обстоятельств дела, включая продолжительность такого обращения, его физическое или моральное воздействие и в некоторых случаях - пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. *Bati*, цит. выше, § 120).

158. В настоящем случае заявители, несомненно, пребывали в состоянии непрерывной физической боли и тревоги из-за неопределенности своей судьбы и вследствие того уровня насилия, которому подвергались в период содержания под стражей. Суд считает, что такому обращению заявителей намеренно подвергали агенты Государства при исполнении своих обязанностей с целью вынудить их к даче признательных показаний или информации о преступлениях, в которых их подозревали.

159. В силу этих обстоятельств Суд приходит к выводу, что рассматриваемое в совокупности и с учетом его целей и степени серьезности, обращение с заявителями было особенно тяжелым и жестоким, способным причинить «тяжелую» боль и страдание и равносильным пытке в значении Статьи 3 Конвенции.

160. Соответственно, имело место нарушение Статьи 3.

В. Предполагаемая неэффективность расследования

1. Информация, предоставленная сторонами

161. Заявители утверждали, что Государство не выполнило свое обязательство проведения эффективного расследования достоверных утверждений о жестоком обращении. В частности, они выдвигали довод о том, что власти проигнорировали их ссылки на медицинские документы, удостоверяющие факт телесных повреждений, и не предприняли ряд необходимых действий - а именно, не провели врачебное освидетельствование заявителей, не организовали очную ставку с сотрудниками Ачхой-Мартановского ВОВД и СИЗО Чернокозово и не

осмотрели место, где содержались заявители. Поэтому заявители утверждают, что проведенное властями расследование было поверхностным и неадекватным.

162. Правительство утверждало, что проверкой, проведенной органами прокуратуры ЧР в связи с жалобой, поданной SRJI от имени заявителей, о жестоком обращении в период содержания под стражей, жалоба была признана необоснованной. Согласно информации, предоставленной правительством, при проверке не было получено данных, подтверждающих применение сотрудниками правоохранительных органов незаконных мер воздействия в отношении заявителей. В связи с этим 7 января 2002 г. районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела в связи с вышеназванной жалобой на основании отсутствия признаков преступления в действиях сотрудников правоохранительных органов.

2. Оценка, данная Судом

163. В случаях, когда лицо обращается к властям с потенциально достоверной жалобой на жестокое обращение со стороны полиции в нарушение Статьи 3, это положение в сочетании с общей обязанностью Государства согласно Статье 1 Конвенции обеспечивать " каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции», подразумевает проведение эффективного официального расследования. Такое расследование должно быть способно привести к выявлению и наказанию ответственных за нарушения (см. *Assenov and Others*, решение от 28 октября 1998, *Reports* 1998-VIII, p. 3290, § 102, и *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV). К минимальным требуемым стандартам эффективности, установленным практикой Суда, также относятся требования независимости расследования, его беспристрастности и возможности общественного контроля, а также требование особой тщательности и незамедлительности действий компетентных властей (see, for example, *Isayeva and Others v. Russia*, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, §§ 208-213, 24 February 2005).

164. Обращаясь к данному делу, Суд прежде всего отмечает, что согласно предоставленным Правительством документам (см. выше п. 93-95), при опросе в ходе расследования по факту жалобы от 5 октября 2001 г., поданной SRJI от имени заявителей, второй заявитель по какой-то причине отказался от ранее сделанных им заявлений о жестоком обращении, после чего районная прокуратура закрыла дело постановлением от 7 января 2002 г. Тем не менее в своей жалобе от 14 марта 2002 г. заявители, через своих представителей оспорили данное постановление, сослались на свои первоначальные жалобы и указали, что второго заявителя заставили отозвать заявление о жестоком обращении (см. выше п. 58). В этой связи Суд считает, что данные врачебного осмотра и жалобы заявителей в совокупности дают основания подозревать, что полученные ими телесные повреждения могли быть нанесены представителями Государства и что данная жалоба была обоснованно подана компетентным властям. Поэтому власти были обязаны провести эффективное расследование в соответствии с указанными выше требованиями Статьи 3 Конвенции.

165. Далее Суд отмечает, что после жалобы заявителей от 5 октября 2001 г. было проведено некоторое расследование (см. пп. 55 - 59 и 61). Однако Суд не убежден, что данное расследование было проведено добросовестно или иными словами, что оно было «эффективным». В этой связи Суд отмечает, что хотя жалобы заявителей рассматривались органами прокуратуры двух разных уровней, власти никак не отреагировали на медицинские документы, на которые ссылались заявители в поддержку своих утверждений. Более того, власти не предприняли ряд шагов, которые представляются необходимыми для добросовестного

расследования. В частности, не было сделано попыток назначить и провести судебно-медицинское освидетельствование заявителей, осмотреть место происшествия, а также выяснить личности и допросить должностных лиц, которые в соответствующий период времени работали в Ачхой-Мартановском ВОВД и СИЗО Чернокозово. Также складывается впечатление, что ни заявителям, ни их представителям не позволили ознакомиться с материалами расследования и даже не направили им копию решения прокуратуры от 7 января 2002 г..

166. При данных обстоятельствах Суд вынужден заключить, что власти не провели тщательного и эффективного расследования потенциально достоверных утверждений заявителей о жестоком обращении с ними в период содержания под стражей. Следовательно, по данному основанию имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

167. Заявители жаловались на нарушение Статьи 5 § 1 (с) Конвенции в части отсутствия оснований для их ареста, незаконности ареста и нарушения установленных законом процессуальных норм. Заявители также ссылались на Статью 5 § 2 Конвенции, утверждая, что они не были незамедлительно проинформированы о причинах их ареста и взятия под стражу. Заявители жаловались на нарушение Статьи 5 § 3 Конвенции в части отсутствия оснований для их содержания под стражей и отказа им в праве на освобождение до суда. Они также жаловались, что не имели возможности попросить о судебном рассмотрении правомерности их содержания под стражей, поскольку у них не было возможности общения с внешним миром и свидания с адвокатом в нарушение статьи 5 § 4 Конвенции. Более того, они подвергались постоянной опасности крайне жестокого обращения, если бы попытались жаловаться. И наконец, заявители жаловались на нарушение Статьи 5 § 5 Конвенции в части отсутствия возможности получить компенсацию за необоснованное заключение под стражу. В связи с вышесказанным, Статья 5 содержит следующие положения:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. Информация, предоставленная сторонами

168. Заявители подчеркнули, что содержались под стражей с 12 апреля по 5 октября 2000 г., в то время как Правительство указало, что они были задержаны 17

апреля 2000 г. В этой связи заявители отметили, что Государство не учитывает период с 12 по 16 апреля. Они утверждали, что не было оснований для их заключения под стражу, поскольку они не пытались скрыться или препятствовать установлению истины и не участвовали в какой-либо противозаконной деятельности. Заявители также утверждали, что их содержали под стражей дольше установленного законом срока, не получив разрешение на продление этого срока. Заявители жаловались, что им не вручили копию постановления об их аресте и не объяснили их право обжаловать арест и другие процессуальные права. Заявители настаивали на том, что в период содержания под стражей их лишили возможности сообщения с внешним миром, что им не позволили воспользоваться услугами адвоката и поэтому они не могли эффективно обжаловать свое заключение под стражу. Они также утверждали, что встретиться с адвокатом им позволили только в присутствии охранников, при этом им приказали говорить по-русски и только об их физическом состоянии. В отношении последнего заявители подчеркнули, что их заявления подтверждены справкой от 21 октября 2003 г., представленной Правительством, где указано, что свидание заявителей с адвокатом произошло 2 июня 2000 г.

169. Правительство утверждало, что заявители были задержаны на законных основаниях и в соответствии с предписанными законом процессуальными нормами. В частности, Правительство настаивало на том, что заявители были задержаны в соответствии со Статьей 122 УПК РФ 17 апреля 2000 г. и что их арест был санкционирован постановлением уполномоченного прокурора 19 апреля 2000 г. Правительство утверждало, что заявителей должным образом информировали обо всех процессуальных решениях в отношении их ареста и взятия под стражу, а также об их процессуальных правах, что подтверждается подписями заявителей на соответствующих документах, представленных Правительством. Далее правительство утверждало, что заявителей незамедлительно уведомили о причинах их ареста: 20 апреля 2000 г. им было предъявлено обвинение и разъяснены их права, и ими были подписаны соответствующие документы. Правительство также настаивало на том, что решение о продлении сроков содержания заявителей под стражей производилось в соответствии с процессуальным законодательством, а заявители имели возможность обжаловать свой арест и продление сроков задержания в суд. В отношении последнего Правительство подчеркнуло, что с 25 апреля 2000 г. заявители пользовались услугами адвоката и им предоставлялась юридическая информация. Правительство также утверждало, что после освобождения у заявителей была возможность обратиться в суд с иском о компенсации, если они считали свое содержание под стражей незаконным.

В. Оценка Суда

1. Содержание заявителей под стражей с 12 по 16 апреля 2000 г.

170. Суд отмечает, что хотя по сведениям, представленным Правительством, арест заявителей был произведен лишь 17 апреля 2000 г., сами заявители утверждали, что были задержаны 12 апреля 2000 г.

171. Учитывая имеющиеся в его распоряжении факты, Суд указывает на то, что в поддержку своих утверждений заявители представили показания очевидцев - своей сестры и трех соседей, из которых все дали непротиворечивое описание событий 12 апреля 2000 г., подтвердив, что заявители были задержаны в тот день сотрудниками милиции, обыскавшими дом семьи Читаевых (см. выше п. 78). Кроме того, в своих многочисленных обращениях в государственные органы родственники заявителей, а впоследствии и сами заявители настойчиво указывали на то, что задержание имело место 12 апреля 2000 г., однако этот факт, по-

видимому, не привлек внимание представителей власти. В этой связи Суд считает установленным, что заявители были задержаны агентами Государства 12 апреля 2000 г.

172. Суд много раз подчеркивал фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию представителями власти. В этом контексте Суд неоднократно подчеркивал, что любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального права, но и отвечать целям Статьи 5, т.е. защищать человека от произвольного задержания. Чтобы свести к минимуму риск произвольного лишения свободы, в Статье 5 содержится комплекс прав, устанавливающих, что лишение свободы должно находиться под независимым судебным контролем и сопровождаться ответственностью властей за применение этой меры. Не признаваемое властями задержание лица является полным отрицанием этих гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. помимо прочего, *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 104, ECHR 1999 IV).

173. Учитывая установленный выше факт, что заявители были задержаны властями 12 апреля 2000 г. и факт непредставления Правительством какого-либо объяснения в отношении содержания заявителей под стражей с 12 по 16 апреля 2000 г. или каких-либо документов для его обоснования, Суд делает вывод о том, что в течение этого срока имело место не признаваемое властями содержание заявителей под стражей, что является полным отрицанием гарантий Статьи 5 и тем самым составляет особенно серьезное нарушение права заявителей на свободу и безопасность, гарантированное Статьей 5 Конвенции.

2. Остальной период содержания заявителей под стражей

(а) Период, рассматриваемый Судом

174. В первую очередь Суд отмечает, что дата освобождения заявителей из-под стражи является предметом спора между сторонами. По словам заявителей, они находились под стражей до 5 октября 2000 г., в то время как Правительство утверждает, что заявители были освобождены 4 октября 2000 г.

175. Суд в связи с этим отмечает, что в отличие от жалоб на не признаваемое властями задержание в период с 12 по 16 апреля 2000 г., они не представили убедительных доказательств – к примеру, показаний очевидцев, в подтверждение того, что ни оставались под стражей до 5 октября 2000 г., в то время как все документы, представленные сторонами (см. пп. 50 и 94), указывают на то, что заявители были освобождены 4 октября 2000 г. В соответствии с этим Суд признает дату, указанную Правительством, как день освобождения заявителей из-под стражи и ограничивает свое рассмотрение дела периодом с 17 апреля по 4 октября 2000 г.

176. Суд также считает уместным вначале рассмотреть жалобу на нарушение Статьи 5 § 4 с целью установить, действительно ли заявители исчерпали внутригосударственные средства защиты, на которые ссылается Правительство.

(b) Статья 5 § 4 Конвенции

177. Согласно сложившейся практике Суда, адресованные или заключенные под стражу лица имеют право на проверку соблюдения процессуальных и материальных условий, обеспечивающих «правомерность» их лишения свободы в значении, придаваемом этому понятию Конвенцией (см. *Lietzow v. Germany*, no. 24479/94, § 44, ECHR 2001 I). Право на проведение такой проверки возникает как в момент первоначального лишения свободы, так и периодически после этого при возникновении новых обстоятельств, могущих поставить под сомнение

правомерность содержания под стражей (см. *Hutchison Reid v. the United Kingdom*, no. 50272/99, § 66, ECHR 2003 IV). Далее Суд напоминает, что Статья 5 § 4 касается только тех средств защиты, которые должны быть доступны лицу в период содержания под стражей для незамедлительной судебной проверки правомерности заключения и в соответствующих случаях возможного освобождения из-под стражи. Данное положение не относится к другим средствам рассмотрения правомерности сроков заключения, которое уже закончилось (см. *Slivenko v. Latvia* [GC], no. 48321/99, § 158, ECHR 2003 X).

178. Обращаясь к данному делу, Суд не считает необходимым рассматривать все аргументы сторон в этой части жалобы, поскольку в любом случае Правительством было признано, что суды в Чеченской республике не действовали до ноября 2000 г., а заявители находились под стражей с 17 апреля по 4 октября 2000 г.. Следовательно, в данный период заявители не имели возможности судебного обжалования своего содержания под стражей.

179. На этом основании Суд отклоняет предварительное возражение Правительства по данному вопросу и признает, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 в этой части.

(с) Статья 5 § 1 (с) Конвенции

i. Общие принципы

180. Суд вновь указывает на то, что выражения "правомерное" и «в порядке, установленном законом» в Статье 5 § 1 по сути ссылаются на национальное право и воплощают в себе обязанность государства соблюдать материальные и процессуальные нормы национального права.

181. Тем не менее «правомерность» задержания согласно национальному праву не всегда является решающим элементом. Суд помимо этого должен убедиться, что содержание под стражей в течение соответствующего периода не противоречило цели Статьи 5 § 1 Конвенции, а именно – предотвратить произвольное лишение свободы (см. помимо прочего, *Khudoyorov v. Russia*, no. 6847/02, § 124, 8 November 2005).

ii. Нахождение заявителей под стражей с 17 апреля по 18 июня 2000 г.

182. Исходя из представленных документов по настоящему делу, Суд отмечает, что 17 апреля 2000 г. следователь отдал распоряжение о задержании заявителей на срок не более 48 часов в соответствии со Статьей 122 УПК РФ на основании обнаружения явных следов преступления в их доме. 19 апреля 2000 г. районный прокурор санкционировал заключение заявителей под стражу ввиду серьезности обвинений и опасности, что заявители могут попытаться скрыться или помешать установлению истины. Хотя в упомянутом постановлении не указан срок пребывания заявителей под стражей, по национальным законам оно действительно в течение двух месяцев до 18 июня 2000 г. (см. выше п. 109). Поэтому Суд признает, что в период с 17 апреля по 18 июня 2000 г. содержание заявителей под стражей было правомерным по российским законам.

183. Более того, Суд не считает, что задержание заявителей в течение соответствующего периода было произвольным, поскольку в протоколах о задержании 17 апреля 2000 г. и в постановлениях от 19 апреля 2000 г. приводятся четкие основания для таких действий. В соответствии с этим Суд считает, что не было нарушения Статьи 5 § 1 Конвенции в части задержания заявителей с 17 апреля по 18 июня 2000 г.

iii. Нахождение заявителей под стражей с 19 апреля по 4 июня 2000 г.

184. Далее Суд отмечает, что в постановлении от 20 января 2001 г. о прекращении уголовного дела в отношении заявителей дано подробное описание

основных процессуальных шагов, предпринятых в рамках данного дела. Как можно судит по этому описанию, срок содержания заявителей под стражей продлевался лишь один раз постановлением от 7 августа 2000 г., в котором говорилось, что заявители должны оставаться под стражей до 9 октября 2000 г.

185. В связи с этим представляется, что период задержания заявителей с 19 июня по 6 августа 2000 г. не был санкционирован официальным документом и поэтому был неправомерным.

186. Кроме того, из постановления от 20 января 2001 г. неясно, какой орган принял постановление от 7 августа 2000 г., на каком основании и были ли о нем уведомлены заявители. Более того, несмотря на конкретную просьбу Суда о предоставлении всех документов, относящихся к правомерности задержания заявителей, Правительство не представило ни копию постановления от 7 августа 2000 г., ни какие-либо иные доказательства в обоснование продления срока содержания заявителей под стражей. В связи с этим, даже если допустить, что задержание заявителей в период с 7 августа по 4 октября 2000 г. имело основания в национальном законодательстве, Суд приходит к выводу, что оно было произвольным и противоречило Статье 5 § 1 (с) Конвенции.

187. В свете вышесказанного Суд постановляет, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 (с) Конвенции в части содержания заявителей под стражей с 19 апреля по 4 октября 2000 г.

(d) Статья 5 § 2 Конвенции

188. Суд считает установленным, что заявители были задержаны 12 апреля 2000 г. (см. выше п. 171). Далее Суд отмечает, что имеющиеся в его распоряжении материалы указывают на отсутствие должного уведомления заявителей о причинах из ареста, по крайней мере, до 17 апреля 2000 г., когда были составлены и предъявлены заявителям протоколы задержания. Однако в свете того, что Суд уже признал нарушение гарантий Статьи 5 в части не признаваемого Правительством задержания заявителей с 12 по 16 апреля 2000 г. (см. выше п. 173), Суд не считает нужным рассматривать вопрос о соблюдении российскими властями требований Статьи 5 § 2 Конвенции в указанный период.

(e) Статья 5 § 3 Конвенции

189. Суд напоминает, что власти должны предъявить «релевантные» и «достаточные» основания, чтобы продление задержания лица было признано оправданным и соответствующим требованиям Статьи 5 § 3 Конвенции (см. *Khudoyorov*, цит. выше, § 174).

190. Учитывая сделанный выше вывод о том, что в течение периода своего задержания заявители не могли подать просьбу о своем освобождении (см. пп. 178 - 179) и что не было представлено никаких доказательств обоснованности продления содержания заявителей под стражей (см. п. 186), Суд вынужден сделать вывод о том, что заявителям отказали в праве на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

191. Соответственно, имело место нарушение Статьи 5 § 3 в этой части.

(f) Статья 5 § 5 Конвенции

192. Суд напоминает, что Статья 5 § 5 Конвенции гарантирует право на компенсацию в случае, если заключение под стражу признано – национальными властями или органами Конвенции – нарушающим положения одного из пунктов статьи 5 Конвенции (см. *Cumber v. the United Kingdom*, no. 28779/95, Commission decision of 27 November 1996) и что это право в принципе соблюдается, когда есть возможность обращения за такой компенсацией (см. *Wassink v. the Netherlands*, no. 12535/86, § 38, 27 сентября 1990).

193. В настоящем случае Суд прежде всего ссылается на признанные выше нарушения Статьи 5 §§ 1(с), 3 и 4 и отмечает, что в силу этого применима Статья 5 § 5.

194. Суд далее отмечает, что согласно национальному праву, лицо, содержавшееся под стражей до суда, может подать иск о компенсации в случае прекращения уголовного дела за недоказанностью причастности данного лица к вменяемым ему преступлениям (см. п. 111). В данном случае производство по уголовному делу в отношении заявителей было прекращено и возобновлено дважды, а именно: 9 октября и 23 ноября 2000 г., а также 20 января 2001 г. и 29 октября 2003 г., соответственно. Более того, после того, как дело было открыто в последний раз, оно, по всей видимости, не было закрыто до настоящего времени.

195. В этой связи Суд считает, что признаваемый Правительством факт отсутствия в Чечне функционирующей судебной системы, по крайней мере, до ноября 2000 г., а также то, что в любом случае ни одно из постановлений о закрытии производства по уголовному делу в отношении заявителей не было окончательным и уголовное дело до сих пор не закрыто, фактически не дали возможности заявителям обратиться с иском о компенсации при данных обстоятельствах.

196. Поэтому Суд отклоняет предварительное возражение Правительства в соответствующей части и постановляет, что имело место нарушение Статьи 5 § 5 Конвенции в отношении рассматриваемого срока содержания заявителей под стражей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

197. Заявители жаловались на отсутствие эффективных средств защиты в отношении нарушений их прав, гарантированных Статьями 3 и 5 Конвенции, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Информация, предоставленная сторонами

198. Заявители утверждали, что, несмотря на их жалобы и жалобы их родственников относительно задержания заявителей и жестокого обращения с ними, а также обысков и изъятия их имущества, власти не приняли каких-либо значимых мер, и это доказывает, что заявители были лишены эффективных внутригосударственных средств правовой защиты.

199. Правительство сообщило, что заявители имели в своем распоряжении эффективные средства защиты и в особенности что они могли оспорить предполагаемые нарушения своих прав в прокуратуру или в суд в соответствии с внутренним законодательством.

B. Оценка Суда

1. Общие принципы

200. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу «потенциально достоверной» жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государством дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного

положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя согласно Конвенции. Тем не менее правовое средство, требуемое статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти Государства-ответчика (см. *Audin*, цит. выше, § 103).

2. Применение в данном случае

(а) В отношении жалобы заявителей по Статье 3 Конвенции

201. Когда лицо делает потенциально достоверное утверждение о жестоком обращении с ним в нарушение Статьи 3 Конвенции, понятие эффективного средства защиты предполагает, помимо тщательного и эффективного расследования, как этого требует Статья 3, наличия эффективного доступа жалующегося к процедуре расследования и возможность получения компенсации, где это уместно (см. *Aksoy*, цит. выше, pp. 2286-87, §§ 95 and 98; and *Assenov and Others*, цит. выше, § 117).

202. Суд напоминает, что, как было установлено ранее, заявители делали достоверные утверждения о жестоком обращении с ними представителей власти, а расследование на национальном уровне было неадекватным (см. п. 153 и 167). Соответственно, любое другое доступное заявителям средство защиты, включая иск о компенсации, имело ограниченные шансы на успех. Хотя гражданские суды могут давать собственную оценку фактов, на практике результатам предварительного уголовного расследования уделяется такое большое значение, что даже самые убедительные доказательства обратного, представленные истцом, часто отклоняются судом как «не имеющие отношения к делу» (см. *Menesheva v. Russia*, no. 59261/00, § 73, 9 марта 2006).

203. Поэтому Суд считает, что заявители были лишены эффективного средства правовой защиты на национальном уровне в отношении жестокого обращения со стороны милиции. Соответственно, по данному основанию имело место нарушение статьи 13 в связи со статьей 3 Конвенции.

(b) В отношении жалобы заявителей по Статье 5 Конвенции

204. В свете сложившейся практики суда, согласно которой более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, вбирают в себя ее требования (см. *Dimitrov v. Bulgaria* (dec.), no. 55861/00, 9 мая 2006) и в свете того, что Суд уже признал нарушение Статьи 5 в части не признаваемого Правительством задержания заявителей с 12 по 16 апреля 2000 г. и нарушение Статьи 5 § 4 и 5 в части содержания заявителей под стражей с 17 апреля по 4 октября 2000 г., Суд считает, что в данном деле не стоит отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции.

V. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (а) КОНВЕНЦИИ

205. В своих замечаниях по существу дела заявители утверждали, что Государство нарушило свои обязательства по Статье 38 § 1 Конвенции, поскольку не представило все материалы уголовного дела в отношении заявителей. Эта статья в соответствующей части гласит:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия».

206. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999 IV). В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или в соответствии со своими общими обязанностями рассматривает жалобы. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством его обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 3531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

207. Суд отмечает, что после принятия решения о приемлемости он попросил Правительство предоставить копии документов, имеющих отношение к тем жалобам заявителей, которые были признаны приемлемыми, а не всех материалов уголовного дела в отношении заявителей. В ответ Правительство представило ряд документов, включая протоколы о задержании от 17 апреля 2000 г., ордера на арест от 19 апреля 2000 г., постановление от 20 января 2001 г. о прекращении производства по уголовному делу в отношении заявителей, а также постановление от 29 января 2003 г. об отмене постановления от 20 января 2001 г. о прекращении уголовного дела и о возобновлении производства по уголовному делу. Предоставление этих документов значительно облегчило Суду рассмотрение данного дела. Несмотря на то, что некоторые из документов, в частности, относящиеся к продлению срока задержания заявителей или к действиям властей в доме заявителей 15 января и 12 апреля 2000 г., не были предоставлены Правительством, Суд уже сделал свои выводы в связи с этим и установил нарушения соответствующих положений Конвенции. В целом Суд в данном случае не считает поведение Правительства противоречащим Статье 38 § 1 (а).

208. Поэтому Суд считает, что не имело места нарушение Правительством Статьи 38 § 1 (а) Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

209. Статья 41 Конвенции устанавливает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Моральный вред

210. Заявители потребовали возмещения морального ущерба в размере, соответственно, 35 000 и 40 000 евро за причиненные травмы, а также за страдания, которые они испытывали в связи с жестоким обращением и незаконным задержанием представителями власти, а также непроведением властями эффективного расследования жалоб на нарушение их прав.

211. Правительство посчитало требования заявителей завышенными, утверждая что в случае, если Суд установит нарушение прав заявителей, будет достаточно символической суммы компенсации.

212. Суд отмечает, что согласно установленному выше, власти подвергали заявителей пыткам и не обеспечили своевременное и публичное расследование в соответствии с требованиями Статьи 3 Конвенции. Также было установлено, что заявители были лишены свободы в нарушение Статьи 5 Конвенции. Кроме того, у

заявителей не было эффективных внутригосударственных средств правовой защиты, чтобы получить на национальном уровне компенсацию за вышеозначенные нарушения их прав, что противоречит Статье 13 Конвенции. Заявители, должно быть, испытывали страдания в связи со всеми этими обстоятельствами. С учетом всех этих обстоятельств Суд присудил каждому из заявителей на равноправной основе по 35 000 евро в счет компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Судебные издержки и расходы

213. Заявителей представляли юристы из организации SRJI. Они представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в государственные органы власти по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников SRJI. Сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 8 344,90 евро, куда входит:

- 350 евро за подготовку первого варианта жалобы;
- 2 150 евро за подготовку полного текста жалобы и дополнительной информации;
- 2 750 евро за подготовку и перевод ответа заявителей на меморандум Правительства;
- 375 евро за подготовку дополнительной корреспонденции для Суда;
- 750 евро в связи с подготовкой ответа заявителей на решение Суда о приемлемости;
- 1 250 евро в связи с подготовкой юридических документов для подачи в национальные правоохранительные органы;
- 582, 75 евро на административные расходы (7% от судебных издержек);
- 137,15 евро за оплату международной почты при направлении материалов в Суд.

214. Правительство не оспаривало отдельные пункты сметы, поданной заявителями, но в целом заявило, что сумма является завышенной для некоммерческой организации, какой является представляющая заявителей SRJI.

215. Суд должен установить, во-первых, были ли фактически произведены расходы и издержки, указанные заявителями, и во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *Isayeva and Others*, цит. выше, § 256).

216. Суд отмечает, что в июле 2000 г. оба заявителя выдали SRJI доверенность для представления их интересов в Европейском суде по правам человека. В течение всего разбирательства дела в Суде организация SRJI представляла интересы заявителей. Что касается ставок оплаты труда юристов и старших специалистов SRJI, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

217. Кроме того, Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные заявителями в связи с ведением дела, были необходимы. Суд отмечает, что дело было довольно сложным, особенно в виду большого количества подтверждающих документов, и требовало изучения и подготовительной работы в том объеме, который указан представителем.

218. При данных обстоятельствах и учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им в полном объеме требуемую сумму 8 344,90 евро за вычетом 715 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, вместе с любыми налогами, которыми может облагаться эта сумма, включая налог на добавленную стоимость. Эта сумма, предназначенная для

возмещения издержек и расходов, должна быть выплачена непосредственно представителю заявителей.

С. Выплата процентов

219. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что не имеет возможности рассмотреть по существу жалобу заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции в части условий их содержания, поскольку эта жалоба подана не в установленный срок;

2. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств защиты в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статей 3 и 5 Конвенции;

3. *Поддерживает* предварительное возражение Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств защиты в части жалоб заявителя на нарушение Статьи 8 Конвенции и Статьи 1 Протокола № 1 Конвенции и *постановляет*, что не имеет возможности рассмотреть эти жалобы по существу, поскольку в отношении их не были исчерпаны внутригосударственные средства защиты;

4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в части жестокого обращения, которому подверглись заявители;

5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в части непроведения эффективного расследования жалоб заявителей на жестокое обращение;

6. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции в части не признаваемого властями содержания заявителей под стражей в период с 12 по 16 апреля 2000 г.;

7. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции в части непроведения судебной проверки задержания заявителей с 17 апреля по 4 октября 2000 г.;

8. *Постановляет*, что не было нарушения Статьи 5 § 1 (с) Конвенции в части задержания заявителей с 17 апреля по 18 июня 2000 г.;

9. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 (с) Конвенции в части задержания заявителей с 19 июня по 4 октября 2000 г.;

10. *Постановляет*, что нет необходимости принятия отдельного решения о соблюдении Статьи 5 § 2 Конвенции в части задержания заявителей с 17 апреля по 4 октября 2000 г.;

11. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 3 Конвенции в части права заявителей на освобождение до суда в период их задержания с 17 апреля по 4 октября 2000 г.;

12. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 5 Конвенции в части права заявителей на получение компенсации за задержание с 17 апреля по 4 октября 2000 г.;

13. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в части предполагаемых нарушений Статьи 3 Конвенции;

14. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в части предполагаемых нарушений Статьи 5 Конвенции;

15. *Постановляет*, что не было нарушений Статьи 38 § 1 (a) Конвенции;

16. *Постановляет*,

(a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы, которые за вычетом суммы, подлежащий уплате на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день оплаты:

(i) по 35 000 евро (тридцать пять тысяч евро) каждому заявителю в порядке возмещения морального вреда;

(ii) 7 629,90 евро (семь тысяч шестьсот двадцать девять евро и девяносто центов) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей заявителей в Нидерландах;

(iii) любых налогов, которые подлежат уплате с вышеуказанных сумм;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

17. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 18 января 2007 г. в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Кристос Розакис
Председатель